

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АНДРЕЙ ГРЕБЕНЩИКОВ
СЕСТРЫ ПЕЧАЛИ

FUTURE CORP.

Метро

Андрей Гребенщиков

Сестры печали

«АСТ»

2014

Гребенщиков А.

Сестры печали / А. Гребенщиков — «АСТ», 2014 — (Метро)

ISBN 978-5-17-084110-3

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Это книга забытых имен и потерянных душ. Безымянные герои в поисках своей судьбы на ощупь бредут во тьме. Их путь – десятки и сотни километров по радиоактивной, выжженной земле навстречу друг другу. Их жизни – на кончиках пальцев сестер, плетущих нити человеческих страстей. Их будущее – сон умирающей в муках ведуньи. Их прошлое – слезы и смерть. В борьбе за настоящее они пойдут до конца...

ISBN 978-5-17-084110-3

© Гребенщиков А., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Путешествие из Екатеринбурга в Москву	5
Пролог	7
Глава 1	8
Интермедия I	15
Глава 2	17
Интермедия II	23
Глава 3	24
Интермедия III	27
Глава 4	29
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Гребенщиков

Метро 2033. Сестры печали

Посвящается Марине, Полине, Маше

*У реки, где со смертью назначена встреча,
У моста, где готовятся к страшным прыжкам,
Кто-то нежно кладет тебе руки на плечи
И подносит огонь к побелевшим губам.*

*Это сестры печали, живущие в ивах,
Их глаза словно свечи, а голос – туман,
В эту ночь ты поймешь, как они терпеливы,
Как они снисходительны к нам,
К грешным и праведным нам¹.*

Путешествие из Екатеринбурга в Москву Докладная записка Вячеслава Бакулина

Давным-давно, в 1790 году, служащий Санкт-Петербургской таможни Александр Радищев инкогнито опубликовал и запустил в народ сочинение, прославившее его имя, по меньшей мере, в границах отечественной литературы. Названо оно было без особых изысков – «Путешествие из Петербурга в Москву».

Книга, над которой Радищев работал аж десять лет, моментально стала, как сказали бы сейчас, абсолютным бестселлером и must read для любого просвещенного человека. Настолько смело и откровенно о крепостном праве и всех прочих печальных реалиях современной автору российской государственности тогда писать было не принято. Неудивительно, что очень скоро «Путешествие» легло на стол императрицы Екатерины Великой. При всей своей либеральности и склонности к «вольтерьянству», «матушка» в восторг от прочитанного отнюдь не пришла. «Бунтовщик похуже Пугачева!» – припечатала она и приказала разыскать анонимного автора, взять под стражу, а после учинить над ним самый суровый и пристрастный суд. За «покушение на государево здоровье», а также «заговоры и измены» автор книги, «наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства и наконец оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской», был приговорен к смертной казни. Позже Екатерина милостиво заменила ее десятилетней ссылкой в Сибирь, ее сын разрешил «бунтовщику» вернуться в родовое имение под Калугой, а внук не только полностью амнистировал Радищева, но и включил его в состав комиссии по составлению законов. Но разговор сейчас не о том.

По прошествии более чем двухсот двадцати лет писатель-фантаст Андрей Гребенщиков подарил всем читателям «Вселенной Метро 2033» еще одно путешествие. В чем-то ничуть не менее значимое и новаторское для нашей серии, чем сочинение Радищева – для российской литературы конца XVIII века. И ничуть не менее «бунтарское». Путешествие длиной в две тысячи километров по изуродованной Катастрофой России две тысячи тридцать третьего года. Путешествие из Екатеринбурга в Москву.

Казнить и ссылать Андрея за его роман мы, разумеется, не станем. Но все же я считаю своим долгом предупредить поклонников «Вселенной»:

если вы выбрали «Сестры печали» в качестве легкого развлекательного чтения;

если считаете, что книги «Вселенной Метро» – это когда суровые мужики (лысые и не очень) много бегают и часто стреляют в мутантов и в других суровых мужиков;

если сомневаетесь, что в постапокалиптике уместны мифы и фантазмагии, выворачивающие обыденность наизнанку;

если думаете, что герой – это именно герой, поэтому «плохишом» он быть не может ну никак (а героиня – и подавно);

если не любите книг резких, откровенных, бескомпромиссных, порой шокирующих;

если не понимаете, как можно писать полноценную трилогию в произвольном порядке частей и связывать их друг с другом не напрямую, а исподволь, намеками и второстепенными персонажами;

если, наконец, вы читали «Ниже ада» и «Обитель снов» и вам не понравилось или, наоборот, слишком понравилось и теперь хочется чего-то такого же...

Ну, вы меня поняли.

Всем остальным советую выдохнуть и проверить ремни безопасности. Ваше приключение начинается прямо сейчас!

Пролог

Стена из пепла и тумана. Серое безмолвие, поглотившее пространство и заставившее само Время замереть в почтительном испуге. Здесь страшно – в пяти шагах от неизвестности. Если обернуться, наверняка можно рассмотреть тихую улицу, обрамленную двухэтажными развалинами. Но в пяти шагах от Стены только безумец повернется к ней спиной, она поглощает все внимание, ее нельзя упустить из виду даже на кратчайший миг – смотри не моргая, не дай векам лишить тебя зрения!

Тихий посвист ветра, гонящего мусор по растрескавшемуся, провалившемуся во многих местах асфальту; кажется – это смех призрака, он дурачится, уговаривая тебя прислушаться к его бесплотному шепоту, притворным вздохам и слезливому дождю.

Дождь. Соленой влагой стекает по щекам... Неужели реален? А быть может, это плачу я... Возвращаться к местам скорби и памяти тяжело даже таким безнадежным любителям смерти.

Все, что отделяет меня от Стены, – пелена, сотканная из живущего своей жизнью, завихряющегося в причудливые водовороты воздуха. Он настолько плотный, что им трудно дышать, я почти чувствую его тяжелый вкус на языке. Кисель из праха – нелепая и несвоевременная мысль.

Пять шагов. Пять лет назад мне их не хватило. Но сегодня я пройду – с той стороны Стены меня ждут.

Глава 1

Перемена имен

Темный зал с редкими всполохами тусклых керосинок расплывался перед глазами. Ряды наезжающих друг на друга деревянных столиков, неудобные лавки, разномастные стулья, грязные занавески на фальш-окнах, пыльные, прожженные в сотне мест скатерти, звон жестяных бокалов и алюминиевых тарелок, пьяные крики и невнятная брань – все смешалось в единую сумасшедшую круговерть и взорвалось в голове устало выглядящей девушки. Она протяжно вздохнула и привычными круговыми движениями пальцев потеряла саднящие от боли виски.

«Завтрашнее похмелье уже сегодня...» Девушка ощупала свое затянутое в камуфляж тело, разыскивая что-то в бесчисленных карманах. На стол посыпались патроны, тюбики с помадой, огрызки карандашей, мятые клочки бесчисленных бумажек и прочая мелочь. Отыскав в образовавшейся куче пудреницу, она щелчком раскрыла ее и опасно устала в маленькое зеркальце.

«Так и есть, нажралась». Красивые сине-серые глаза потеряли свой обычный блеск и теперь тупо смотрели на свою хозяйку из зеркала. И если бледность кожи считалась обычной для каждого обитателя московской подземки, то нездоровая синева век (и тушь здесь ни при чем) была именно нездоровой. Усталость, помноженная на опьянение, – равно унылый внешний вид, минус здоровье и...

Девушка вновь взглянула в зеркало. Осторожно, словно боясь увидеть там легендарного зеленого змия. «Минус здоровье и природное очарование». Щедрая природа и давным-давно погибшие родители наделили ее красотой, а денежная профессия позволила эту красоту холить и лелеять. Однако сейчас ни природа, ни дефицитная в метро косметика не могли вернуть измученному лицу ни свежести, ни привлекательности.

«Напилася я пьяна, не дойду я до дома». Пудреница захлопнулась и исчезла в недрах камуфлированного костюма, сшитого на заказ.

– Димасик, давай еще по одной! – ей совсем не хотелось домой, благо и старинная песня намекала на бесполезность подобного похода. Лучше свалиться замертво здесь, Димасик, хозяин кафешки, свою vip-клиентку всяким уродам в обиду не даст, кровать расстелет, спать уложит, а с утра еще и опохмелит, если совсем туго придется.

– Что празднуешь? – стеклянный бокал (такую посуду здесь подавали исключительно випам), наполненный до краев ярко-красной жидкостью, возник перед ней на столе. Доставивший вино официант участливо улыбнулся.

Хорошая улыбка, но Гоша или Миша, девушка никак не могла вспомнить его имя, относился к вымирающему племени жеманных меньшинств и потому не представлял для нее ни малейшего интереса.

Проигнорировав вопрос и самого вопрошавшего, девушка в очередной раз обвела зал мутным взглядом в поисках того, кто поможет скрасить ей затянувшийся вечер. «Вонючий сброд» – а в эту категорию попало сразу девяносто процентов посетителей – оказался отмечен сразу, «не на помойке себя нашла». Представительный мужчина в сталкерской униформе за соседним столиком выбыл в полуфинале, его спутница – потасканного вида блондинка – вряд ли одобрила бы притязания на своего кавалера. В финал вышли сорокалетний дядька с весьма сексуальной залысиной в обрамлении длинных, зачесанных назад волос (он показался девушке похожим на какого-то из довоенных актеров, чьи фотографии продавались у местного антиквара по десятку патронов за штуку) и коротко стриженный шатен лет двадцати пяти в спортивном костюме («одежда дерьмо, но мордаха не противная!»).

Шатен заметил разглядывающую его особу и призывно улыбнулся в ответ. Щербатая улыбка тут же исключила молодого человека из списка соискателей. «Изо рта, поди, еще воняет».

Девушка ухватилась за край стола и попыталась подняться, чтобы выказать псевдоактеру свою благосклонность, но не смогла: ноги не слушались, а в подрагивающих от напряжения руках уже не хватало силы поставить свою хозяйку на непослушные ноги.

– Черт!

Она обессиленно сползла обратно на мягкий, обитый кожей стул (тоже из реквизита, предоставляемого наиболее ценным клиентам) и коротким матерным словом подвела неутешительный итог сегодняшнему вечеру.

– Привет, Ашвария.

– Айшвария, твою мать, – беззлобно, скорее по привычке, поправила девушка и подняла взгляд. Перед ней стоял высокий, породистый мужчина, одним своим видом легко бьющий несостоявшихся финалистов. Одежда обыкновенная – джинсы и простая черная кофта – однако эта обыденность не могла обмануть наметанный глаз. Баснословно дорогие часы на запястье, довоенные, но находящиеся в прекрасном состоянии ботинки, ухоженное лицо с чистой кожей, подчеркнута небрежная, но при этом аккуратная небритость, белые, здоровые зубы и, конечно, глаза – глаза уверенного в себе матерого хищника – все в этом человеке говорило о благополучии и силе. А что еще требуется бедной девушке в обездоленном мире? Портило благостное впечатление лишь одно – он назвал ее кодовым именем. А значит, «кина не будет», это не мужчина, это – заказчик. «Что за непруха...»

– Присаживайся, гость незванный.

Просить дважды не пришлось. Услужливый официант тут же принес еще один вип-стул и оставил карточку с куцым меню.

– Хреново выглядишь, госпожа Рай.

«Айшвария» поморщилась:

– Хреновые у тебя комплименты, господин...?

– Имя у меня обыкновенное, без всякой азиатской экзотики. Я – простой русский Володя.

«Ага, простой ты, как же».

– И что привело простого русского Володю ко мне, непростой индийской девушке Айшварии? – она потянулась было к бокалу с вином, но вовремя передумала. Наклевывалась работа, слабо совместимая с алкоголем. – Димасик, кофею мне сообрази по-быстрому!

– Ты вообще как, в адеквате? – Владимир изучающе смотрел на нее. Пристально и внимательно. К сожалению, исключительно по-деловому. – Не забудешь через час о...

– Не забуду, – отрезала «индийская девушка». – Рассказывай.

На стол легло несколько рисунков, выполненных на манер фотографии. Одно и то же лицо с разных ракурсов. Но как ни верти – лысый боров, бандитская рожа весьма похабного вида.

– Зря на рисунки разорялся, этого типа я и так знаю. Сиропчик. Для своих – Женя Наган.

– Жендос, он самый, – гость немного успокоился, поняв, что девушка, может, и не в трезвом уме, зато в сознании.

– Трудная мишень.

– Зато хороший гонорар.

– «Хорошего» мало, тут нужен «отличный». А «отличный» вдвое больше «хорошего».

Володя крякнул:

– Может, оплату по трезвяни обсудим?

– По трезвяни дороже. Пользуйся моментом, пока я пьяная и добрая.

Женоподобный Миша (или Гоша) принес Айшварии большую чашку дымящегося кофе и вопросительно уставился на гостя:

– Что-нибудь выбрали?

Манерный голос «заднепроходца» произвел на Володю такое неизгладимое впечатление, что он поперхнулся и тут же яростно замахал руками:

– Пошел отсюда! Развелось мразей! Нормального мне пришлите. А не...

«А не...» с витиевато-нецензурным продолжением столь живописно раскрывало глубину падения существ, подобных Мише/Гоше, что всем выжившим извращенцам столицы в эту минуту икалось с необыкновенной силой и энергией.

Зато Айшвария смеялась от души:

– Ну, ты конкретно злой! Я тоже недолюбиваю всяческих полупокеров, но по сравнению с тобой я полная толерантка! Пожалуй, выпишу тебе небольшую скидку за прямоту характера. Красавец!

– Скидка – это хорошо. Жаль, гнус безвозвратно испортил мне аппетит, – если на местной кухне обитают такие же, ноги моей больше здесь не будет.

К счастью, после изгнания нечистой голубой силы встреча продолжилась, а затем и благополучно закончилась без каких-либо «аморально-сексуальных» эксцессов.

* * *

«Вот я на всю голову долбанутая», – девушка застыла с карандашом над крохотной записной книжкой и, до крови кусая губы, вспоминала детали минувшего вечера. Она помнила абсолютно все, в малейших деталях, но две неразрешимых вещи не давали ей покоя. Какого рожна она сменила удачливый, хорошо зарекомендовавший себя позывной – надпись «Айшвария Рай» в записной книжке была перечеркнута толстой карандашной линией – и каков, черт побери, новый?

Конечно, все эти позывные были чистым ребячеством, понтом или фирменным стилем, если по-научному, но ей нравилось привносить в свою суровую работу элемент веселого идиотизма. За каждым прозвищем тянулась определенная история:

«Пенелопа Крус» – здесь сразу все не задалось. Словила сквозное пулевое в мягкие ткани, поломала ребра.

«Виктория Кастро» – долгий и мучительный период без заказов и, соответственно, без работы и денег.

«Дженифер Лопез» – несбывшиеся надежды, но время веселое.

«Сальма Хайек» – ни то ни се, полоса белая, полоса черная.

Наконец, «Айшвария Рай» – поперла везуха, а с нею и богатый клиент. Четыре подряд выполненных заказа без срывов, форс-мажоров и, как следствие, ранений и прочих неприятностей. Зато с внушительными гонорарами, позволяющими вести тот образ жизни, о котором девушка мечтала. На «Айшварии» она себе и заработала имя, чуть ли не бренд, за который готовы платить внушительные суммы. А теперь с пьяных глаз она, идиотка набитая, самолично отказалась от удачи... Зачем? Впрочем, это уже риторический вопрос. Практический – каким новым позывным она назвалась клиенту?

Вместо того, чтобы заниматься заказом, она сидит и тупо перебирает имена никогда не виданных ею довоенных актрис. Когда перебор в уме – а с похмелья это занятие совсем не банальное – закончился ничем, девушка обратилась к первоисточнику: набору карточек с телами и лицами див ушедшего прошлого. С тоской поглядела на индийскую красавицу Айшварию Рай – ее экзотическая внешность действовала возбуждающе отнюдь не только на мужчин. Красота есть красота... С неохотой отложила фотографию в сторону, для верности «рубашкой» вверх – чтобы больше не отвлекала. Дальше шли уже *отработанные* актрисы – знойные красавицы Крус и Хайек. Карточки с англосаксонскими дамами были отвергнуты без колебаний, их имена «Айшвария», рожденная в московском метро, никогда не использовала,

это казалось скучным и неоригинальным. На руках осталось всего четыре фотографии: Лусия Мендес, Моника Белуччи, Летиция Каста и Люси Лью.

Итак, кто из них? Память ответила насупленным молчанием, лобные доли, ответственные за логику, развели воображаемыми руками, мозжечок, ухмыляясь, приказал указательному пальцу покрутить у виска, все остальные органы чувств вопрос демонстративно проигнорировали. Особенно тихо вела себя интуиция. Вашу мать...

Одна из лобных долей осторожно предложила решить проблему лотереей – просто ткнуть пальцем в случайную карточку, но была грубо прервана внезапно проснувшейся совестью, настойчиво требовавшей поиметь ее. Куда ж без этой нимфоманки, самое время иметь совесть, других-то забот нет.

Закончилось дело компромиссом. Без каких-либо объяснений бывшая Айшвария занесла в блокнот «Летиция Каста, коротко Лю». До «Лю» сокращалось (при должном приложении фантазии и неких вольных допусках) три имени из четырех, а это уже неплохой расклад. «Летиция» же была выбрана за звучность. Вот такие чудеса девичьей логики.

Разобравшись с самоидентификацией, новоявленная Лю засобиралась, наконец, в дорогу. Предстоял не слишком хлопотный переход с Лесопарковой на Новоясеневую, однако все усложнялось необходимостью пронести через строгую и дотошную лесопарковую таможенную «рабочий инструмент»: два пистолета «Стриж», взрывчатку и три гранаты – дамский набор в дорогу. Все это добро она приобрела у местного «антиквара» весьма широкого профиля. Мерзотного вида карлик за нескромные деньги снарядил ее всем необходимым и даже свел с «либеральным» таможенником, готовым за весьма безусловную мзду обеспечить «свободу передвижения без границ и бюрократических препонов».

За «Стрижами», собственно, она и поперлась в такую даль (и дырень). Коллеги без устали нахваливали восемнадцатизарядные машинки отечественных оружейников, и женское любопытство не выдержало напора. Однако беда в том, что «либерал» заступал на свою смену только завтра, времени же на заказ оставалось впрытук. Что такое три дня для подготовки серьезной операции? Ни-че-го.

Можно было махнуть до тайника с оружием на бандитской ветке, но это опять непростибельная потеря дефицитного ресурса на букву «В»...

Летиция затянулась дорогой сигаретой, изготовленной московскими мастерами из некоего эрзац-табака, выращиваемого, согласно рекламе, «в экологически чистом районе столицы». Она любила дорогие вещи, но с эрзац-табаком пообещала себе заканчивать. От капли постъядерного никотина гибли не только лошади – вичух наверняка разрывало в клочья. Сигарета в самодельной пачке была предпоследней, и сейчас Лю не столько наслаждалась запретным плодом, сколько уничтожала запасы дурной отравы.

Курево, несмотря на всю его тлетворность и пагубность, навело на дельную мысль: кто, как не хозяин (он же бармен) увеселительно-горячительного заведения, должен знать все ходы-выходы на станции, подходы и поткаты к нужным людям! Грех не воспользоваться ценным знакомством.

* * *

– Димасик, ты же не откажешь даме в сущей малости?

Лысый Димасик лет шестидесяти от роду с готовностью улыбнулся:

– В моем почтенном возрасте не принято отказывать дамам, тем более таким...

Летиция не стала дожидаться окончания комплимента:

– Похмельным и опухшим! Эх, Димочка, неважный из тебя льстец. Но не о том тебя прошу, проблема посерьезней будет. Нужно мне ствол через таможенную проташить. Два ствола... и немного взрывчатки.

С каждым словом улыбка на устах престарелого льстеца блекла все сильнее. На фразе «ну, еще плюсом граната, отечественная, три штуки» превратилась в нечто совершенно жалкое и кислое.

– Госпожа, вас посетило удивительно несвоевременное желание! Со вчерашнего дня все посты усилены, до начальства дошел слух, что с Донской ожидается большая партия контрабанды...

– Так то с Донской, а мне в противоположную сторону! На Новоясеневскую.

– Усилены все посты, – упрямо повторил Димасик. Потом смягчился: – К моему глубокому сожалению.

– Я слышала, некоторые – вполне определенные – таможенники проявляют похвальную гибкость в щекотливых вопросах, – Лю и не думала отступать, ее Димасиковым упрямством не перебьешь.

– Проявляют, – бармен кивнул и тут же без перехода отрицательно замотал головой. Удивительный дар! – Но только не в подобных ситуациях. Госпожа, не спешите, погостите на Лесопарке еще несколько деньков, и кипиш прекратится сам собой...

Несколько дней у нее не было. Даже часы и те находились в серьезном дефиците! А цейтнот, как известно, требует быстрых и резких решений. Она любила быстрые и резкие решения. Минимум расчета, голые инстинкты и госпожа Удача вторым пилотом – вот это правильная движуха! Драйв, кровь и рок-н-ролл.

Значение последнего термина она понимала смутно, но причудливое звучание ей, несомненно, нравилось. Как нравился ей и новоявленный, не менее причудливо звучащий позывной «Летиция Каста». Не может такое чудо быть нефартовым!

– Эх, Димасик, толкаешь ты меня к крайним мерам... Боюсь, на вашей станции свидимся мы нескоро.

Предчувствуя потерю ценного клиента, лысый бармен искренне и горячо отговаривал Летицию от необдуманных шагов. Напрасно тратил время – девушка была непреклонна.

* * *

– Людмила... э-э... – дружелюбный таможенник мельком глянул в паспорт, – Валерьевна, запрещенные товары с собой имеете? Наркотики, оружие, экстремистская литература?

Людмила Валерьевна Прокофьева, 2003 года рождения, гражданка Ясеневской общины, скромно потупила взгляд.

– Мы обязаны досмотреть личные вещи и багаж, – таможенник не очень правдоподобно изобразил на лице сочувствие. – Но не волнуйтесь, это чистая формальность.

Людмила Валерьевна со вздохом неодобрения протянула свою ручную кладь представителю Лесопарковой станции. «Творите свое бесчестье, презренный чинуша», говорил ее исполненный горечи взгляд.

– Таков порядок, – работник таможи принял поклажу – обычный рюкзак, и, заглянув внутрь, тут же обнаружил ярко-желтую резиновую уточку с надписью «Сожми меня» на боку. – Какая прелесть, у меня в детстве была такая...

Уточка в сильной кисти таможенника протестующе крякнула, но ее податливое, деформированное наглым человеком тело так и не успело вернуться в свое обычное состояние – на руку «агрессора» легла хрупкая рука Людмилы Валерьевны.

– Не стоит разжимать, – проговорила она одними губами. – Чревато.

Свободной рукой она извлекла из кармана старенькой, поношенной куртки карточку с написанным от руки текстом и сунула опешившему от такого напора мужчине.

«Молодец, мину отлично взвел!» – гласила пожухлая картонка.

«Отпустишь – рванет, дровичу отфигачит по локоть» – уведомлял ее оборот.

Таможенник ошалело поглядел на интеллигентного вида гражданку Прокофьеву, вновь перечитал угрозу для «дрочилы» и раскрыл рот для чего-то громкого и призывного, но и здесь ясеневская женщина его опередила:

«Вякнешь, урод, мину сама активую», – мелькнула новая карточка, а затем перед глазами застыл крошечный кулачок с зажатым в нем продолговатым темным предметом, увенчанным сверху красной кнопкой. Щелк! Большой палец вжал кнопку, и внутри предмета что-то затикало.

Перепуганный, растерянный лесопарковец поводил головой в поисках поддержки, но его сослуживцы занимались своими прямыми трудовыми обязанностями – очередь из путешественников была внушительной – и немую сцену попросту не замечали.

– Считай до ста, – женщина наклонилась к его уху и доверительно зашептала. – Отойду от станции достаточно далеко, цепь разомкнется.

На непонимающего, белого как мел таможенника было жалко смотреть. Прокофьева легко подхватила увесистый рюкзак и расплылась в лучезарной улыбке:

– Один!

Мужчина проводил ее долгим, щенячьим взглядом и, словно под гипнозом, продолжил отсчет:

– Два.

Оказавшись в туннеле, Людмила Валерьевна бросилась бежать со всех ног, неучтиво расталкивая многочисленных путников. Юрисдикция станции Лесопарковой заканчивалась через пятьдесят метров, дальше шла нейтральная зона. Но остановилась беглянка, лишь преодолев внушительный трехсотметровый рубеж. Юрисдикция юрисдикцией, а взбешенный дурила, осознавший, что его обвели вокруг пальца, вряд ли удовлетворится компенсацией в размере одного безобидного утенка. В прошлый раз от мстительного полиция пришлось уходить чуть ли не до следующей станции... Женщина несколько секунд пристально вглядывалась в темноту туннеля, прислушивалась к его тишине. Удостоверившись, что погони нет, перевела, наконец, дух.

– Больше гражданке Прокофьевой ходу на Лесопарк нет, – с деланой обидой проговорила она вслух, стягивая с головы рыжий кудрявый парик. Густой грим с лица удастся смыть позже – нужна, как минимум, вода; раковина и зеркало тоже приветствуются. И мешковатую, безвкусную одежду придется терпеть вплоть до самой Новоясеневки. Образ тридцатилетней Людмилы Валерьевны был с успехом отыгран (уже не в первый раз), но межстанционный туннель слабо подходил на роль кабинки для переодевания. Успокаиваться рано, таможня – не единственная угроза в местных краях.

Летиция – а под париком и толстым слоем «Людмилы Валерьевны» скрывалась именно она – похвалила себя за блестяще разыгранный номер «Напористый бред со взрывчаткой под аккомпанемент легкого гипноза» и продолжила прерванный путь в гораздо более естественном темпе. В свои мнимые способности гипнотизера она не верила, предпочитая версию с чрезмерной внушаемостью попадающихся ей время от времени индивидов, но название – а Летиция была падка на звучные названия – ей однозначно нравилось: «... под аккомпанемент легкого гипноза». Супер! Хоть сейчас на театральную (в крайнем случае, цирковую) афишу и в триумфальную гастроль по серой ветке московского метрополитена.

От приятных мыслей отвлек посторонний звук. В абсолютной тишине туннеля любой звук помимо собственных шагов становится посторонним и – что хуже – опасным. Конечно, это мог быть и обычный путник, коих бродит от Лесопарковой до Новоясеневской и обратно немалое количество, но интуиция и природное чувство опасности потребовали удвоить бдительность. И Летиция безропотно им подчинилась.

Голос, тихий-тихий голос и шелест. Что-то очень знакомое – бумага? Шелест перелистываемых страниц!

«Тут-то волк и прыгнул на поросеночка, чтобы съесть его».

Лю отчетливо разобрала тихие, вкрадчивые слова.

«Да поросеночек оказался проворней – схватил мешок и набросил на волка».

Снова шелест.

«Волк не успел опомниться, как оказался завязанным в мешке».

Девушка двигалась осторожно, боясь выдать свое присутствие. Налобный фонарик погашен, неудобные громкиетупли «Людмилы Валерьевны» сняты и спрятаны в рюкзаке, в правой руке заряженный «Стриж», в левой – выключенный до поры до времени светодиодный светильник-карандаш. Его ярким белым светом хорошо пугать не ожидающих нападения врагов. Враг ли впереди? «Скоро узнаем».

«Поросеночек выбросил мешок на двор, а сам побежал за кипятком».

Голос совсем рядом, метрах в десяти. А еще чье-то сопение. Зверь? Или ребенок?

«Стал он поливать мешок кипятком и приговаривать...»

Летиция застыла на месте, но слова становились все громче и громче и, наконец, превратились в надсадный хрип:

«Шпарь серого кипятком! Шпарь серого кипятком!»

Светодиод вспорол темноту неестественно белым лучом, прорвался сквозь разделявшие девушку и источник звука метры и... уперся в пустоту, в голую, покрытую трещинами стену. Никого. Ничего. И снова тишина, ни сопения, ни шелеста, страниц, ни...

Что-то было у нее за спиной – чужое, необъяснимое присутствие! Разворачиваясь, Летиция уловила встречное движение, кто-то невероятно быстрый приближался к ней из темного, уже пройденного туннеля, летел прямо на яркий свет фонаря.

«Шпарь!!!»

Женщина, укутанная с ног до головы в черное. Длинное платье, накидка на плечи, платок на голове – все словно плывет, вздымается на ветру. Вместо лица черный провал, тень, за которой пустые глазницы и безгубый оскал. Рядом силуэт поменьше, черт не разглядишь. Бесформенный абрис в светодиодном свете.

Секундная стрелка часов замерла. В межстанционном перегоне Лесопарковая-Новоясеневое на мгновение остановилась вся жизнь, и лишь давно умершие не подчинились всемогущему времени.

«Шпарь!!!» – выкинув вперед левую руку, женщина метнула в неподвижную Летицию детскую книгу. Шелестя страницами, словно набирающая высоту птица, книжка устремилась навстречу девушке. «Шпарь!»

Секундная стрелка дрогнула и рванулась вскачь, нагоняя упущенное. Лю, прикрываясь, инстинктивно вздернула руку, и зажатый в ней пистолет часто-часто застучал выстрелами, пули, царапая стены и пол, с визгом рикошетили, искрами исчезая во мраке. Девушка, не удержавшись на ногах, упала назад. Падая, она выронила фонарик, и тот со смачным стеклянным хрустом врезался в землю. Извечная подземная ночь вступила в свои законные права.

Интермедия I

– Мастер Вит ожидает вас, – мертвый голос с той стороны тумана лишен интонации и малейших эмоций. Констатация факта. Мастер Вит. Ожидает. Меня. Приглашение для гостя, которому не рады, но без которого... Я не знаю, зачем понадобился своему врагу-благодетелю.

Жду, когда Стена расступится передо мной. Зря, ничего не происходит. Туман клубится под ногами, монолит, разделяющий мир *здесь и там*, недвижим. Поднимаю глаза к невидимому небу, укрытому куполом из грязных облаков и вязкого, бурого смога, – кажется, Стена прошивает небесный свод насквозь и уходит за пределы напитанной радиоактивным ядом атмосферы. К самому Богу...

– Мастер Вит ожидает вас, – в стерилизованном голосе слышится нетерпение? Ничего, подождет. Я ждал пять лет, секунды и мгновения уже не имеют значения.

Преодолеваю метры до Стены и касаюсь ее рукой. Вместо ожидаемой холодной тверди чуть теплое, податливое желе – оно неприятно колышется под ладонью, не в *силах* противостоять *силе*. Миг – и нерушимая преграда поддается моему напору, рука по локоть проваливается в серую массу. Мерзкое ощущение, словно угодил в гигантский холодец. Однако отступить не собираюсь, Мастер Вит, будь он неладен, ждет меня. И его треклятый Пояс Щорса не посмеет задержать дорогого гостя.

Погрузившись всем телом в мерзостную слизь – она еще и хлюпает или это мое воспаленное воображение? – слышу тот же безжизненный голос.

– Закройте глаза, это облегчит путь.

Что я могу разглядеть в вашем кромешном тумане?

Иду, ничего не чувствуя, – даже ноги не ощущают гравитации и притяжения земли. Я вышел в открытый космос? Распахнуть бы послушно закрытые очи, да веки не слушаются. Интересная форма повязки – собственные веки...

– Мы пришли, – торжественно объявляет голос. – Можете смотреть.

Я в комнате или, скорее, помещении, чьи стены и потолок ускользают от моего взора, – но они должны быть, интуиция настаивает на этом! Зато под ногами твердая поверхность. Спасибо и на этом.

Человек в темном бесформенном балахоне (нет, *существо в балахоне*) терпеливо ждет, пока я осмотрюсь.

– Мастер Вит?

Плотный, натянутый на глаза капюшон бездвижен, но утвердительный кивок невидимой головы я отчетливо представляю. Не вижу – представляю!

– Моя покойная супруга передает вам нижайший поклон, – заготовленную много лет назад фразу я произношу без дрожи в голосе, почти равнодушно. Столько раз представлял эту встречу, что горькое обвинение в смерти моей жены утратило силу, острые грани разящих слов затупились и потеряли прежний блеск.

– Зато ваш сын чувствует себя прекрасно, – парирует Мастер Вит. Неужели он улыбается? Или все только кажется?

Пять лет назад Пояс Щорса принял моего умирающего от лучевой болезни ребенка, а Лену, беспомощную, лишённую в борьбе со смертью последних сил, Стена отвергла. Еще четыре дня – вот все, на что хватило моей Елены. Она ушла спокойно, благодаря Пояс за спасение сына, но я простить не могу...

– Почему вы не взяли обоих? – притихший, но не угасший до конца гнев помогает преодолеть усталость и внезапно нахлынувшую апатию. Я слишком давно хотел задать этот вопрос.

Мастер Вит приглашает пройти, и мы медленно бредем по пустому пространству, окруженному со всех сторон клубящейся непроницаемой для взгляда дымкой. Если это все-таки комната, то она безразмерная.

– Пояс Щорса слишком странное место, чтобы подчиняться человеку, – задумчиво произносит мой собеседник и тут же поправляется: – Или тому, кто когда-то им был... Я выполняю его волю.

– Удобная позиция, оправдывающая любое убийство...

Мастер Вит примиряющим жестом останавливает меня:

– Мы здесь не для оправданий. Твоя боль слишком велика, чтобы уменьшить ее словами, просто знай: Пояс не излечивает больных, только останавливает течение смертельной болезни. Твоя жена навсегда бы зависла над краем пропасти, осталась в пяти минутах от предначертанного ей. Было уже слишком поздно! В тот раз Пояс поступил гуманно, не обрекая несчастную женщину на бесконечное умирание.

– Это... – я захлебываюсь режущими горло словами, гуманность палача слишком сложна для моего понимания!

– Один человек ушел, другой – получил право на жизнь. Это больше, чем ноль, жизнь – весомее смерти. – Мастер Вит останавливается и смотрит на меня в упор. – Ты должник Пояса Щорса. И он призвал тебя, чтобы взыскать этот долг.

Глава 2

НЯшка

Непроглядная темень перехода. Со всех сторон чернильная вязкая ночь, отсутствие света и малейших звуков. Ни шороха, ни дыхания. Летиция все летела и летела вниз, не в силах достичь дна, ощутить спиной честную твердь бетонного пола. На сетчатке ее глаз отпечатался лик той, что лишена всякого лика. В ушах – сквозь абсолютную тишину – звон неумолкающего крика. «Шпарь!»

Наконец через века – долгожданное приземление, мгновенная, пронизывающая боль в пояснице и лопатках. Удар затылком о землю.

– Твою мать!!!

Из глаз брызнули слезы вперемешку со звездами, зубы оглушительно клацнули, чуть не перерубив пополам язык.

– Твою мать!

Превозмогая дикую боль, Лю принялась нашаривать пистолет. Он был где-то рядом, не мог отлететь далеко! Ну же, быстрее! Вот он – нащупала, схватила и выпустила во мрак перед собой всю оставшуюся обойму. Выстрелы заглушали ее испуганный рев. Когда патроны кончились, крик эхом ушел по туннелям, напрасно пытаясь догнать отзвуки пистолетных выстрелов.

Щелк! Дрожащий большой палец вдавил переключатель налобного фонаря. Лампочка мигнула, полыхнула и... загорелась подслеповатым желтым светом. Близорукий луч, едва ли способный победить темноту на расстоянии больше пяти метров, панически запрыгал по стенам и сводчатому потолку.

– Эй, что там у вас?

Все кончилось. К ней бежали люди – живые, обычные, – напуганные криками и стрельбой в спокойном, считающемся безопасным туннеле. Летиция судорожно хватала ртом воздух, который никак не желал попадать в легкие, застревая в горле, обжигая трахею. Она старалась выровнять дыхание, дать передышку колотящемуся в диком темпе сердцу – бум-бум-бум, кровь кипит и рвет сосуды, кажется, бешеный насос сейчас взорвет грудную клетку изнутри.

Страх – это часть ее работы. Лишай жизни других, будь готова однажды лишиться жизни сама. И бояться следует не столько смерти – путь к ней может оказаться в разы страшнее плачевного, но неизбежного для каждого исхода. Она видела, во что превращают тела пойманных киллеров родственники и друзья свежепредставившегося объекта... Месть – воистину пугающая штука, способная на самые изощренные зверства. Месть – святое и справедливое дело, однако наемникам с отрезанными конечностями и содранной заживо кожей трудно оценить ее священную природу.

Лю знала обратную сторону своего ремесла, боялась ее, но внутренне принимала возможность самого неблагоприятного исхода. Страх – да! Сильный, временами даже лютый, но всегда понятный и предсказуемый. Этот враг известен в лицо... Но то, что случилось с ней минуты назад, выходило далеко за пределы ожидаемых и понятных страхов. Когда не знаешь, чего конкретно боишься, – худо-бедно контролируемый страх превращается в животный, неуправляемый ужас. Кошмар, воплощенный наяву...

– Я в порядке, – способность врать вернулась к Лю вместе с дыханием. – Мутант напал... не разглядела... отстреливалась... не ранена... убежал... туда... нет, спасибо, сама доберусь...

Ей нечего было сказать всем этим людям – надоедливый зевакам, охочим до кровавых подробностей, и искренне сочувствующим, проявляющим вполне натуральную заботу. И те, и другие рассказ о призраках восприняли бы однозначно – как неутешительный диагноз для

чрезмерно впечатлительной женщины. А Летиция не любила, когда на нее навешивали ярлыки, тем более с ошибочным диагнозом.

Покидая «место преступления» в большой компании новоприобретенных попутчиков, Лю искала глазами маленькую книжку, которой в нее запустила напоследок женщина-призрак (или кто она, черт ее разбери?!). Черной книги в черной же *комнате* ожидаемо не нашлось. И дело было, в общем, не в окружающей непроглядной темени, которая не по зубам любому фонарю, скорее сработал неизвестно кем изреченный постулат: «Призрачное должно оставаться призрачным». Незамысловатому детскому «Серому волку» в пяти историях и твердой глянцевого обложке – глазастая Лю кое-что успела рассмотреть – не место в мире живых.

* * *

Новоясенеvская встретила стандартным блокпостом, шестью не улыбочивыми дозорными в форме Общины и пристрастным допросом о подробностях несчастного туннельного случая. Пришлось отделяться повторением мантры: *напал-мутант-отбилась-убежал-в-неизвестном-направлении*. И тремя «нет» на утомительные: «вам удалось его разглядеть?», «вы ранены?», «вам требуется какая-либо помощь?»

На платформе было непривычно тихо для этого времени суток. Лю никак не могла привыкнуть к железной дисциплине и патологическому порядку, царящим на вверенной солдафонам из Ясенеvской общины территории. Здесь даже дети ходили молчаливым строем, лишь изредка, строго по команде затягиваясь бодрой песней, – причем в жутко тоскливом, под стать самой Новоясенеvке, исполнении.

Летиция не раз и не два посещала станции Общины – заказов здесь не брала и не выполняла, предпочитая отсиживаться у военных после особо резонансных дел, – однако принять местные порядки так и не смогла. Муравейник со строгим разделением труда и еще более строгой ответственностью за полученный результат – вот что такое «Няшка» (кстати, это сокращение тут под строгим запретом!).

Унылая казарма с унылыми распорядками и замученными до зеленой тоски в глазах людьми. Не только солдаты страдали от вездесущего Устава, жизнь женщин и детей регламентировалась с не меньшим тщанием. Существование по команде «*ать-два, левой*»...

«Ну и придурки», – Лю сплюнула (мысленно, конечно, иначе неминуемый штраф, плюс исправработы!), причудливая смесь презрения и жалости заставила ее лоб покрыться мелкими, неглубокими морщинками – глубокие были не по возрасту, да и следила она за своей кожей с невероятным вниманием. Не то, что местные солдатки... Изможденные и вечно усталые.

Во избежание нового нервного потрясения («отойти бы от туннельных встреч») девушка поспешила в «транзитную зону»: резервацию для приезжих и проезжающих мимо. Здесь располагались вполне уютная гостиница (совсем не казарменного типа), бордель со страшненькими солдатками для обслуживания местных высших офицеров и небрезгливых туристов (брезгливые свой моральный облик без труда блюли до более вменяемых станций, с менее затраханнми – во всех смыслах этого слова – шлюхами) и приличный по любым меркам ресторан.

Заказанный деловым Володей объект находился либо в гостинице, либо в ресторане, иных возможностей попросту не существовало. Судя по времени подземных суток, ресторанный вариант представлялся сейчас наиболее вероятным. Потому Летиция направилась напрямком в «номера» – отдохнуть после волнительного пути, а заодно и раньше времени перед объектом не засветиться.

Расчет оказался верным, гостиница в этот час пустовала, все постояльцы активно трудились в общепите ложками-вилками, многие и стаканами. Кое-кто из породы непритязательных

наверняка напрягал чресла в «общетрахе» – терзая костлявые тушки ясеневских ночных (на самом деле, круглосуточных) бабочек.

Лю оплатила одноместный номер с кроватью, электрическим освещением, свежей *няшиной* периодикой (от данного обязательного пропагандистского бонуса не освобождались даже люксы) и небольшим зеркалом на стене. Последнее являлось по-настоящему приятным дополнением, целые зеркала встречались в Метро не так уж и часто, а потому стоили серьезных денег.

Стоило подумать над свежим образом, гражданка Прокофьева Людмила Валерьевна («тоже, кстати, Лю! Ну разве это не знак?») для Общины не годилась в принципе, к тому же успела изрядно наследить на Лесопарке. Нужен кто-то поизящней, помоложе. Но все потом, сначала непродолжительный целебный сон, желательно без видений и кошмаров! Летиция отмерила себе два часа беспамятства и с готовностью закрыла глаза, ожидая немедленного погружения в сладостную пучину небытия. Не тут-то было, на полпути к пучине на нее ринулась приснопамятная туннельная дева с книжкой наперевес. И, как ни гоняла ее Лю из своего подсознания, навязчивое страшилище в покое так и не оставило. Ни на секунду.

«Вот дрянь недобитая!» – девушка села на кровати. Выматерилась от души, потом еще раз и еще, постепенно повышая градус непристойности. Ноль эффекта, сон не шел, дохлая сука, наоборот, не уходила.

– Выспалась, вашу мать! – Лю гневно тряхнула головой, отчего ухоженные темные волосы красиво взвились в воздухе. Порывисто поднялась на ноги. – Девочке Летиции срочно нужно выпить! Утопить потустороннюю гниду в живительном спирте.

Повязав черный платок на голову – так делали вдовы сталкеров – и намалевав под глазами синюшные тени, великовозрастная девочка Летиция отправилась в бар. Образ вдовы должен был защитить ее от назойливого мужского внимания, а заплаканные глаза – отвратить даже самых бессовестных самцов. На этот день нужно стать незаметной и никому не нужной, освободить голову и время для размышлений.

Ресторан «Ивушка» представлял собой стандартную конструкцию, популярную на многих станциях: переделанный под нужды общепита вагон метро. Все боковые сиденья убраны, окна занавешены, под теми из них, что выходят на платформу, выставлены неширокие столы и скамьи. Оставшееся пространство использовалось для прохода официантов и посетителей.

Но были и отличия от ресторанных клонов с других станций. Например, богатое убранство салона, дорогая отделка «стен», тщательно подобранная мебель, свежие и совершенно целые скатерти – без дырок и сигаретных прожогов – на столах. Улыбчивый обслуживающий персонал. Сносящий голову аромат блюд... Здесь подавали не крысятину и осточертевшие грибы, это точно!

Цепкий взгляд Лю отметил и еще одно немаловажное отличие – вагон был не один! Его брат-близнец стоял тут же по соседству, только не у платформы, а внутри туннеля. Оба входа в него охранялись: у дальнего дежурили два мордоворота, явно бандитской наружности; у ближнего скучал одинокий солдатик в форме Общины.

Вип-вагон, вот что это такое! Скорее всего, разделен попалам, в одной части сейчас отдыхают офицеры, в другой – братва.

«И даю голову на отсечение, мой Сиропчик резвится в эти секунды в том вагончике-загончике». Открытие расстроило Летицию. Наблюдать за объектом из обычного ресторана невозможно, да и с платформы весьма затруднительно – не стоит мозолить глаза вертухаям, миглом заинтересуются не в меру любопытной дамочкой. Что же делать?

«Думать, родная, думать!» – Лю уселась за свободный столик, не глядя, пролиставла трехстраничное меню.

– Уважаемый, – она жестком поманила официанта. – Что-то у вас тут шумновато, не могли бы вы накрыть мне в соседнем вагоне?

– К сожалению, оба кабинета в данный момент заняты, – немолодой официант источал наигранное сочувствие.

– А как скоро освободятся?

– Не могу точно сказать, один снят на целых четыре дня, в другом празднуют рождение ребенка, и праздник может затянуться на неопределенное время.

Лю недовольно поморщилась:

– Жаль, очень жаль. Хорошо, принесите мне ваше фирменное блюдо и какой-нибудь аперитив. Только слабоалкогольный.

– Один момент!

Момент затянулся на пять минут, именно через столько подали янтарного цвета настойку и закуску к ней. Горячее – пахнущее воистину бесподобно – принесли спустя полчаса.

Все это время Летиция, неспешно дегустируя довольно приличный на вкус напиток, размышляла о заказчике. Импозантный Володя интересовал ее не меньше самого Объекта.

«Итак, мотив: месть или корысть? Явно корысть, скорее всего не простая, а связанная с борьбой за что-нибудь. За власть, за передел собственности или сфер влияния, за рынки, заказы и прочую бизнес-требуху. Что ж, выглядит достоверно.

Какие общие интересы могут столкнуть отморзка Сиропа и серьезного дядю Вову? И случайно ли Сиропчик завис в НЯшке на целых четыре дня – не тут ли собака порылась? Вероятно, очень даже вероятно!»

Лю затянулась последней оставшейся у нее сигаретой, забыв ритуально обматерить вредительскую гадость.

«Общее – это география интереса. Ясеневская община. Бандитские станции активно торгуют с военниками. Может, Володя борется с Сиропчиком за какой-то контракт, причем мерзкое рыло его сильно обходит в этом деле? Нет, стоп! Всю бандитскую торговлю с общиной не так давно прибрал к рукам некий Арех, хрен с горы, нарисовавшийся неведомо откуда. Шустрый малый, монополизировавший... Стоп, стоп и еще раз стоп! Как зовут-то этого Ареха? Отчество дурацкое, его помню, Аристархович, а имя?»

Летиция потеряла переносицу:

«Не Владимиром, случаем? Точно, Вова-Вовочка... Прикольный расклад: пока дядя Володя блюдет свою неестественную монополию, гражданин Сиропчик договаривается за его спиной с ясеневскими бонзами. Лю, девочка моя, как тебе такой мотив – приструнить зарвавшегося конкурента путем усечения головы по самый копчик?»

Девушка удовлетворенно крякнула и подняла бокал в свою честь:

– Какая я у себя умница и красавица! Мое здоровье.

К несчастью, зеркальце в пудренице титул красавицы начисто опровергло. Чрезмерная бледность (результат встречи с туннельным призраком) и от души намалеванные тени под до сих пор красными с похмелья глазами тянули на менее соблазнительный эпитет – «опойка». Помятая и несвежая. На ум Летиции пришло любимое ругательство сожженной заживо коллеги по киллерскому мастерству: «какашная». Вот такая она теперь какашная красавица...

«Ну и черт с вами. Можно недолго и уродицей побыть для полноты жизненных ощущений. Выпьем, страшила, – завтра я тебя вымою, причешу, накрашу, приведу в порядок, и ты сдохнешь в неопикуемых муках. Зато на твоём хладном трупе родится красотка и сексапилка Лю. Пора выводить ее в люди».

Весь оставшийся день Летиция слонялась по станции, разведывая местность и подыскивая реквизит для предстоящего «спектакля». Несколько раз она фланировала вдоль ресторана, изучая вип-вагон и охраняющих его морд. До слуха долетали пьяные крики из офицерского кабинета – солдафоны в званиях резвились на всю катушку, бандитский же закуток хранил несвойственное ему целомудренное молчание. Лю отметила, что випов обслуживала одна и та же официантка, наряженная в откровенную вариацию солдатской униформы – урезанная до

неприличия юбочка цвета хаки и обтягивающий военный китель, выгодно подчеркивающий ее богатые формы.

«Красивая грудь», – без всякой зависти подумала Летиция и по-обещала себе на досуге обдумать, не переметнуться ли ей в нежно-розовый стан лесбиянок. Но, заметив выходящего из кабины видного молодого офицера, правда находящегося не в лучшей форме и оттого раскачивающегося во все стороны на негнущихся ногах, остановилась на компромиссном бисексуальном варианте. К тому же чистая арифметика подсказывала ей, что бисексуалкам достается вдвое больше радости и разврата. Радостного разврата и развратной радости. На том и порешила.

* * *

Утро следующего дня началось с обещанных процедур возвращения увядшей было красоты. Три часа восстановительных процедур изменили вчерашнюю невзрачную «вдову» до полной неузнаваемости. Никаких косынок и мешковатых асексуальных платьев, нет синякам под глазами! «Даешь здоровую кожу, манящий блеск очаровательно-загадочных очей, стройные, максимально оголенные ноги и неудержимо соблазнительное декольте».

Сказано – сделано. На поздний завтрак, плавно переходящий в обед, Летиция отправилась во всеоружии. Сегодня ее выход, и она не завалит предстоящее дефиле!

Официант вполне ожидаемо не признал в эффектной красавице скромную вдовушку, питавшуюся здесь накануне. Лю с комфортом расположилась в опустевшем после офицерских празднеств кабинете, где тут же припала ухом к переборке, перегораживающей вагон на две части. Неудача! Звукоизоляция оказалась гораздо лучше, чем надеялась девушка, из-за стенки доносились только приглушенные и совершенно неразборчивые «бу-бу-бу».

Ощупала окна – стекло не сохранилось, но все проемы были тщательно заделаны (где-то деревом, где-то металлом и пластиком) и задрапированы толстой тканью. Тоже плохо, гранату в такое окно не кинешь...

Красивая грудастая официантка принесла меню – уже четырехстраничное, випам предлагался расширенный ассортимент блюд и напитков. С интересом посмотрела на одинокую девушку, занявшую весьма недешевый кабинет.

– Вы ждете гостей?

Летиция отрицательно мотнула головой:

– Нет, хочу посидеть в тишине и спокойствии.

Грудастая не поверила – в таком откровенном наряде время в уединении не коротают, – но свои сомнения благоразумно оставила при себе.

– Что будете пить?

– Вашу фирменную настойку. И два бокала принесите, пожалуйста.

– Значит, гость все же будет? – официантка, гордая своей наблюдательностью, торжествующе улыбнулась.

– Нет. Это бокал для тебя, – Летиция доверительно подмигнула ей и ненавязчиво перешла на «ты». – А ты здесь совсем не гость.

«Негостья» заметно смутилась. Ее недельной зарплаты не хватало даже на пятьдесят граммов «фирменной», но...

– Нам нельзя пить на работе... запрещено... строго, – по растерянному лепету официантки Лю поняла, что находится на правильном пути.

– Тогда заканчивай смену, – Летиция высыпала перед ней горстку автоматных патронов. – Тебе есть кем подмениться? Мне очень нужна компания: посидеть девочками, поболтать о том о сем.

Заметив колебание – последнее перед неизбежной капитуляцией, – Лю подтолкнула к грудастой меню:

– Закажи, чего хочешь, сегодня гуляем. Угощаю.

Последний бастион сомнений бесславно пал под натиском напористой вип-клиентки.

– Я сейчас!

– Только не вздумай переодеться! – крикнула Лю вслед быстро удаляющейся, вихляющей соблазнительными бедрами официантке.

Интермедия II

– Я бы сказал, что Пояс просит вернуть долг, – в голосе Мастера Вита появляются новые нотки. – Однако он никогда ничего не просит.

Слова Вита меня пугают. Боюсь не за себя – за себя давно отбоился, страшно за сына. Шантаж – верное средство в нашем случае.

– Чего желает от меня его абстрактное величество?

– Послужить на *его* благо, – Мастер Вит раздражающе лаконичен, когда дело касается серьезных вещей.

– Какую конкретно службу? И что будет, если я откажусь? – стараюсь сохранять внешнее спокойствие, хоть сдерживаться становится все труднее.

Глава Ордена Зеркала пожимает плечами:

– *Ему* еще никто не отказывал, но... думаю, убьет. Вас. За сына переживать не стоит, он верен Ордену, а верных слуг Пояс бережет.

Немного успокаиваюсь, такой расклад меня устраивает:

– Так что за служба?

– Вы должны возглавить экспедицию, которая через час отправится в Москву.

– Надеюсь, это шутка? – от Екатеринбурга до столицы две тысячи километров. Огромное расстояние по меркам довоенного мира, астрономическое и невозможное – для сегодняшнего дня.

– У Пояса крайне туго с чувством юмора, – Мастер Вит неожиданно останавливается и указывает рукой куда-то в сторону. Присмотревшись, понимаю, что там окно. Стен по-прежнему не видно, но зависшее в воздухе окно выглядит почти материальным. – У вас есть две минуты.

Не даю глупому вопросу вырваться наружу, молча иду в указанном направлении. Оказывается, стены есть, но они настолько прозрачны и невесомы, что кажутся иллюзией. За окном с криками носятся дети, самые обыкновенные дети – и совсем маленькие, и уже почти подростки, – только все, как один, лысые.

– У всех лучевая, – поясняет из-за плеча Вит. – Все под защитой Пояса. Ваш вон там, видите?

Вижу, конечно вижу. Илюшка сильно вымахал за это время, но остался таким же болезненно худым. И, конечно, бледным. В нашем мире все бледные... Слезы мешают, перед глазами все плывет.

– Я могу...

– Нет, он вас не услышит, – Мастер Вит серьезен. – Это часть сделки. У воспитанника Илии нет других родителей, кроме Пояса Щорса. Нет прошлого, нет воспоминаний до четырехлетнего возраста. Такова плата за спасение – ребенок безраздельно принадлежит Ордену.

– Чего хочет от меня Пояс? – я снова родился, снова жив, но понимаю, если отвернусь, если потеряю из вида Илюшку, то... Умирать второй раз страшнее вдвойне.

– Вы пойдете в Москву, – терпеливо повторяет наставник. – Вас будут сопровождать животное по имени Зверь и Сумасшедший Люк. Люк кататоник и шизофреник, крайне редко приходит в сознание. Впрочем, это только к лучшему.

Глава 3

Деловые знакомства

– Лето, – Летиция протянула руку растерянной официантке.

– Что?

– Зовут меня так. Лето. Родители были большими оригиналами.

– Ааа... Я – Катя. Мои фантазией не отличались.

Девушки засмеялись. Лю была довольна только что придуманным производным от длинного «Летиция», Катя же мысленно благодарила отца с матерью за проявленное милосердие.

– За знакомство?

Хрустальные бокалы громко звякнули.

– За знакомство!

Сменщица Кати – обладательница гораздо менее выдающейся внешности, обычная солдатка, разве чуть более ухоженная, чем остальные *няшные* женщины, – принесла салаты и закуски, при этом ни на секунду не прекращая пялиться на Летицию (с любопытством) и на грудастую официантку Катю (с завистью и неприязнью).

– Скажи, Катерина, – Лю вновь наполнила бокалы, когда завистливая солдатка покинула помещение, – как среди местных уродок оказалась такая красotka?

Красotka на мгновение вспыхнула, но тут же взяла себя в руки. Она давно привыкла к комплиментам и вниманию мужчин, но от женского пола до сего дня не слышала ничего приятней «сисястой шлюхи».

– Вы, наверное, плохо знаете историю Общины...

– Не «вы», а «ты», отставить официоз в девичьей компании!

– Извините... Извини, Лето.

– Извиняю. Так чего с историей?

– Новоясеневская пережила эпидемию... Вернее, не пережила. В том году зараза подкосила весь юг нашей ветки, сильно досталось и Донской, и Лесопарку, но им как-то удалось спастись. Ясеневка же вымерла полностью, – Катя пригубила обжигающую настойку, с удовольствием ощутила умиротворяющую теплоту внутри пищевода. Напиток с непривычки дурманил, но дурман казался сладостным, с оттенком чего-то маняще-запретного. – Свободным квадратным метрам в Метро никто пустовать долго не дал. Община опасалась, что Лесопарк будет претендовать на свято место, потому по-быстрому заселили, как они называли, «территории». Сюда отправляли ссыльных, провинившихся, проштрафившихся, короче, всех подневольных. Так и повелось, по доброй воле в НЯ никто не едет.

– И сексапилки типа тебя тоже? – догадалась Летиция.

– Смысла нет. Местному офицерью карьерный рост заказан, успели так набедокурить, что перспектив практически никаких. А кто из нормальных за бесперспективного пойдет? Ну и тюремно-казерменные порядки мало какой девочке понравятся.

– Ясно, – Лю понимающе кивнула. – Тебя как угораздило?

Катя помрачнела:

– Жених удружил. Подрался мой ревнивец не с тем, с кем нужно, и тут же заработал «путевку» сюда... стремительное повышение, блин. Я, как декабристка, за любовь своей ненаглядной прицепом пошла... никто моего желанья особо и не спрашивал.

Неудачливая невеста залпом осушила бокал:

– А тут на безбабье мужики с ума сходят, мне проходу ни один не дает. Этот козел блатной, – она повела глазами в сторону соседнего кабинета, – уже всю излапал. Иду туда каждый

раз, как на казнь, все «износа» жду... Они пока, слава богу, не бухают особо, встречи с ново-ясеневским начальством ждут, но если подопьют, все, хана мне!

– Так я сегодня, подруга, спасла твою задницу? – Лю хохотнула.

Катя ее веселья не разделила:

– Так и есть. И задницу, и передницу, и оральницу! Здесь, считай, вот-вот по кругу пустят, а еще дома потом рогатый ревнивец отыграется... Хлебом его не корми, дай только Отеллу врубить.

Летиция сочувственно погладила официантку по руке. Правда, фразу про Отеллу она не поняла, списав на ясеневский фольклор, но уточнять у расстроенной подруги ничего не стала, лишь подлила в опустевший бокал настойку.

– А что за хмырь к тебе вяжется?

Катя несколько секунд помолчала, словно собираясь с мыслями:

– Да с бандитских станций он, авторитет какой-то. Его шобла в лицо Наганом называет, а за спиной Сиропчиком... Вроде, знаменитая сволочь, слышала о таком?

Лю мысленно поздравила себя с первой настоящей удачей за день, местную резиденцию Объекта она вычислила верно, но на вопрос ответила не сразу, взвешивая различные варианты лжи.

– Так я по его душу сюда и явилась. Этот сучонок поматросил меня всяко-разно, наобещал золотые горы, а сам нежданно-негаданно свалил в вашу Общину. Я за ним полетела, думала, к лярве своей сбежал...

– Лето, ты не подумай, ничего не было, – Екатерина поменялась в лице, побледнела. – Щипал только, шутил похабно, но не...

– Расслабься, подруга, что я, кобеля своего не знаю? – Летиция примирительно хлопнула разволновавшуюся девушку по плечу. – Ни одной юбки не пропустит. Но мне на его верность плевать, лишь бы болезнью поганой не наградил, утырок блудливый. В нашем мире правит бабос, – Лю доверительно провела пальцами по щеке Кати, наклонилась к ее уху и зашептала одними губами: – За гребаные патроны все и терплю, мразь эту конченую ублажаю. Противно, а куда деваться.

Катя понимающе затрясла головой, возникшее было напряжение исчезло без следа:

– Эх, Лето, все мы мучаемся. Погано в нашем мире без хрена, только ублажать козлов и остается, иначе не проживешь.

Лю отметила про себя, что психологический барьер «богатая посетительница – услужливая официантка» снят, Катя теперь считает ее за ровню, значит, стратегия выбрана верно.

– Давай, красавица, бахнем за тяжелую бабскую долю.

Бахнули, бокалы со звоном сошлись, рубиновая настойка в них заколыхалась, едва не выйдя из хрустальных берегов.

– Кать, ты как, не разомлела еще от вашей фирменной?

– Не, пока держусь. Хорошая настойка, жаль, раньше не пробовала... видать, что-то доброе есть даже на сраной Няшке!

«Сраная Няшка», – Лю поставила себе еще один плюстик. – «Клиент готов, девочка страх окончательно потеряла». Пора было осторожно переходить к кульминации.

– Ты завтра работаешь?

Катя обреченно кивнула, но тут же пьяно ухмыльнулась:

– С обеда! Успею в кондицию вернуться. Может, еще по маленькой?

«Дорвалась девонька до выпивки».

– Конечно! Только ты коллегу свою страхолюдную позови, пусть нам еще графинчик накапает.

Грудастая Катя с видом триумфатора вдавила звонок, прикрепленный к стене прямо над столом, и не отпустила кнопку, пока в кабинет не забежала ее запыхавшаяся сменщица.

– Ща, Леточка, все будет. Ира, повтори нам «фирменной». И закусь сообрази свежую. Да поживей!

Похоже, официантка Екатерина роль хозяйки примеряла на себя не раз, столько торжества и напускной вальяжности было в ее голосе.

«Бедная дурочка, – Лю позволила себе на миг жалость. Тут же поняла, что коварная настойка действует и на ее закаленный дорогим алкоголем организм. – Родная, ты сама не вздумай нажраться, пора уменьшать дозу».

Последующие тосты проходили в неравной борьбе: Летиция безбожно переливала напиток захмелевшей подруге – в два, а то и в три раза против своего, но та не возражала, накачиваясь с космической скоростью.

«Время пошалить, – Лю плотоядно оскалилась. – Немного шоковой терапии для быстрого, но непродолжительного протрезвления нам обоим сейчас не повредит».

– Кать, у меня есть для тебя маленький подарок. Придется закрыть глазки и чуть приоткрыть свой сексуальный ротик.

– Что?

– Доверься мне, подруга.

И подруга доверилась.

Летиция – к тому времени девушки давно сидели на одном диване – осторожно коснулась своими губами алых, пухлых губ Кати, игриво провела по ним языком.

Офицерская невеста распахнула глаза, зрачки ее расширились:

– Лето, что ты...

– Тсс, верь мне, просто расслабься и не думай ни о чем.

Губы Екатерины не сразу, но ответили на настойчивый поцелуй Летиции. Два горячих дыхания превратились в одно, девичьи языки сплелись, дразня и лаская друг друга.

Лю нащупала пуговицы на кителе официантки и расстегнула их – одну за другой, ловко и умело. Коснулась пальцами обнаженной Катиной груди, провела по набухшему соску, на секунду задержала ладонь у сердца – оно бешено колотилось.

Отметила про себя: «Истосковалась девочка по нежности» и, отключив, наконец, голову, полностью отдалась запретной страсти. Она долго целовала красивые груди Кати, нежно покусывая твердые, чуть пульсирующие от притока крови соски, гладила ее плоский живот. А сама опускалась все ниже и ниже.

– Леточка, дура... – Катя задыхалась, неровное, сбившееся дыхание мешало ей говорить. – У меня же свадьба через неделю...

– Какая свадьба без девичника? – Лю сама не на шутку завелась, слова теперь казались глупыми и ненужными. – Я немного раскрепощу тебя перед первой брачной.

Интермедия III

Животное по имени Зверь выше меня раза в три, а весит, наверное, целую тонну... В детстве мне нравились рисунки Валеджо², иллюстрировавшего книжки в стиле фэнтези. Атлетичные, перекачанные стероидами герои верхом на сказочных чудовищах, и обязательно в обнимку с полуголыми красавицами. Вместо полуголой красавицы у меня в команде дрыщ-шизофреник в потертой одежде, а вот бестия вполне аутентичная, «валеджовая»! Гигантское нечто о четырех лапах-столбах, с огромным многометровым шипастым хвостом. Шеи у мутанта нет, тело плавно перетекает в несимметричную шишкообразную голову, увенчанную небольшими, но многочисленными наростами-рожками. Сначала не вижу ни пасти, ни глаз, уродливая башка кажется монолитной каменной глыбой.

– Не делай резких движений, – поучает меня Мастер Вит. Он держится от нас со Зверем на удалении – и трудно упрекнуть его в трусости, скорее в мудрой осторожности. – Это девочка, думай о том, какая она красивая и грациозная... Главное, громко думай, она должна почувствовать, услышать твои мысли!

Охреть! Вашу гребаную мутаматушку, уважаемый господин Вит! Когда все твои помыслы направлены на то, чтобы сохранить исподнее в чистоте, очень сложно, знаете ли, думать о красоте и грации. Особенно применительно к уродливой «девочке», весом в тонну!

Зверь недовольно мычит, качает из стороны в сторону безразмерной черепашкой. Господи, какая же ты страшная... и страшно вонючая! Голова бестии раскалывается на две части – а вот и пасть! Верхняя челюсть ее утыкана острыми сталагмитами (или сталактитами – вечно их путаю) зубов, внизу же некое подобие жевательных пластин. Зря я тебя назвал вонючей, вонючий – это скунс или клоп... безобидные создания... А запах из твоего рта способен убить...

Новый рык, и земля трясется, тварь идет прямо на меня.

– Думай о... – надрывается где-то сзади Мастер Вит, но слова тонут в грохоте, ноги-столбы выколачивают пыль из планеты Земля.

«Ты красивая, – если можно кричать мысленно, то я ору: – Ты прекрасна, никто не сравнится с тобой. – Незакрывающаяся пасть, с которой обильно стекает ядовитая слюна, маячит передо мной буквально в метре. Как же трудно в таких условиях настроиться на комплименты! Уже не ору, визжу от ужаса: – Ты волшебна!!!»

Земля под ногами затихает, поток вони, лишаящий меня сознания, чуть уменьшается. Неужели милая зверюшка прикрыла свой благоухающий хаваль... ротик? Хочу открыть глаза, но не могу, кажется, это полный паралич. Неудивительно.

Успокаивая бешеный круговорот перепуганных мыслей, стараюсь думать о чем-то нейтральном. Почему-то в мозгу возникает образ стоматолога. Вооруженный огромным буром, он... высверливает зловонный кариес в зубах Бестии! Твою ж налево! Отставить кариес!

«Милая, любимая, родная. – Так, это хорошо. – Красавица, белочка, ласточка, зайчик». Небольшой зооперебор, но лучше так, чем со стоматологом-метростроевцем.

– В жмурки играешь? – незнакомый звонкий голос с той стороны век сбивает меня с правильного настроя.

От неожиданности глаза распахиваются сами собой. Чертов дрыщ-неврастеник – или кто он там по диагнозу?! – мутными зыркалами рассматривает меня в упор, совершенно не обращая внимания на переминающуюся рядом с ноги на ногу (удивленную?) зверюгу.

– Что? – слова даются мне нелегко.

– Сулюк, – дрыщ протягивает болезненно худую косточку-руку. – Су-люк. Сумасшедший Люк.

² Борис Вальехо (Валеджо) – американский художник.

Нашел время для знакомства... Надо поздороваться, но мышцы не слушаются.

– Дай, друг, на счастье лапу мне, – то ли подбадривает, то ли поторапливает назвавшийся Сулюком. – И мы подрочим при Луне!

Преодолевая ступор, оборачиваюсь к Виту, спрашиваю одними губами:

– На арене сегодня клоуны и дрессированные бронтозавры?

Зверь совершенно не походит на доисторического бронтозавра, но сейчас мне не до точностей и образностей.

Мастер Вит смеется в ответ:

– Ты забыл об укротителе... с чуть влажными штанами!

– Неправда!

– Главное, ты понравился бестии! Она родилась здесь, она порождение Пояса, плоть от плоти... и она признала тебя. ОН признал тебя!

Пытаюсь искренне порадоваться душеспасительной новости, но вновь отвлекает дрыщ, он панибратски обнимает меня за плечи и шепчет загадочно:

– Как ты относишься к «голландскому штурвалу»?

Все, на что меня хватает, это очередное глупое «что?».

– Все просто: ты передергиваешь мне, а я тебе! Если же достопочтенный Вит присоединится к нашему рукоположенному кругу...

Когда смысл сказанного доходит до моего все еще чуть затуманенного сознания, с силой отталкиваю извращенца:

– Я тебе этот штурвал сейчас знаешь куда засуну!

– Тихо-тихо, – настоятель Ордена Зеркала больше не опасается прирученной зверюги и подходит ближе. – У Сумасшедшего Люка очень своеобразное чувство юмора, не стоит тратить на него свои нервные клетки.

– Вы посылаете меня в жопу вселенной в компании с ископаемым ящером и дебилом-задротом?! Мастер Вит, я был о вас лучшего мнения. Это шапито, а не команда, день открытых дверей в кунсткамере!

– Маркиз де Шиз, – невпопад вклинивается в разговор Сулюк.

– Что?! – кажется, меня клинит на этом вопросе. Нервы ни к черту.

– Сегодня я маркиз де Шиз, – с блуждающей по бледному лицу улыбочкой поясняет дрыщ. – Не Сумасшедший Люк, не дебил-задрот, а маркиз...

Вит правильно расшифровывает выражение моего лица и энергично отталкивает готового к немедленному насилию меня в сторону. Мы находимся посреди пустыни, устланной туманом, но даже здесь «можно отойти в сторону». Сулюк и Зверь скрываются в непроглядной дымке.

– Только Зверь может пройти по фарватеру Мертвой реки, только ты можешь укротить Зверя, – Мастер Вит уже пытался объяснить эту белиберду, но лучше я послушаю его еще раз, чем буду перебивать понапрасну. Впрочем, все равно не сдерживаюсь:

– Про свои редчайшие ментальные способности и возможность управлять Зверем я худобно уразумел. С Мертвой рекой дела обстоят хуже, но речь сейчас не о ней. На кой нам сдался онаношизофреник, любитель голландских штурвалов?!

– Люк сыграет свою роль в конце путешествия, – Мастер Вит удивительно терпелив. – Он что-то наподобие живого датчика... Именно ему предстоит разобраться с «ситуацией» на месте.

Поразительный дар – объясняя, запутывать еще сильнее!

– Я ничего не понял, – честность – моя природная черта.

И Мастер Вит объясняет – во второй и в третий раз. Не знаю, чье терпение лопнуло бы первым, но на помощь нам обоим приходит время. Пора выступать.

Глава 4

Романтика для бывшего

– Что ж ты, сучка, наделала? – Катя, без сил откинувшись на спинку дивана, блаженно улыбалась.

– Неужели совесть уже проснулась? – Летиция курила, ее руки все еще немного тряслись.

– Какая к чертям совесть! До сегодняшнего дня, я была вполне счастлива в постели, считала своего ненаглядного суженого... ну, будущего суженого, весьма ловким малым в этих вопросах.

– Малым? Это оговорка по Фрейду?

Катя захохотала:

– Не малым, нормальным, чего за слова цепляешься? Растлила невинную девочку перед свадьбой! Научила плохому! Как я теперь буду? Три минуты вялых фрикций, затем пятнадцатисекундный финиш с продырявливанием меня насквозь – это, скажу я тебе честно, после сегодняшнего марафона не канает!

– А что, твой съуженный, – Лю ослабилась, – языками не владеет?

– Языками он только анус начальству вылизывает, моей голодной киске уже ни хрена не достается! Вернее, хрен только и достается.

Теперь смеялись обе. Беззаботно и слегка ошалело.

– Все, решено, на фиг свадьбу, ухожу в лесбиянки! – Катя решительно махнула и чуть не опрокинула полупустой бокал с фирменной настойкой.

– Э-э-э! – Лю бурно запротестовала, но без угроз для целостности посуды и дорогого алкоголя. – Даже не вздумай! Была я у так называемых амазонок, там лесба на лесбе, ибо мужиков всех повывели. Так зрелище душераздирающее: мужеподобные бабы – это полнейший ужас! Только в легендах все красиво и возбуждающе, в реале же – тошнота тошнотная! Не должны девки жить с девками. Легкий би раз в год – одно, а конченные лесбы с заскоками на всю голову – совершенно другое!

– Легкий би? – неудавшаяся лесбиянка удивленно выгнула брови. – Ну, я с тебя, родная, хudeю... Легкий би...

Летиция наполнила бокалы до краев и насмешливо провозгласила:

– Давай, красотка, за тебя! Считаю, дебют на ниве женской сексуальности удался на славу. Бутон непорочности и чистоты раскрылся в аккурат перед Мендельсоном!

– Я ни фига не поняла, что ты сказала, но про бутон мне понравилось, – Катерина пьяно ухмылялась, посвежевшие от неожиданного приключения мозги снова заволакивались алкогольными парами. – За бутон!

– За бутон!

Летиция чувствовала себя отлично. Снятое напряжение больше не давило на психику, разрядка помимо самой себя принесла еще и весьма чувственные ощущения. Конечно, Катя любовницей была неумелой – откуда взяться мастерству без опыта, – зато весьма страстной и ненасытной. В процессе их затянувшихся игрищ Лю показалось, что двери в кабинет раскрылись, наверняка сменщица приходила навещать дорогих гостей (пригрелся ей испуганный крик или шокированная страшилка действительно пустила петуха?) – но это лишь добавляло пикантности происходившему. День удался, осталось лишь довести до конца основное. Дело. А тело уже в полном порядке.

– Катерина, ты сможешь своей секс-наставнице в одном пикантном деле?

– О, моя прелестная гуру желает новых ласк? – у полуобнаженной невесты – китель так и остался лежать на полу – игриво сверкнули глаза.

– Катя, твой горячий темперамент начинает меня пугать! Я искренне сочувствую твоему жениху: со скорострельной палкой-кончалкой такую бестию ему не удержать, – Лю притянула Екатерину к себе и чмокнула в губы. – Но разврата на сегодня довольно! Пора вновь становиться приличными девушками, скромными и, по возможности, целомудренными.

Официантка прыснула, однако возражать не стала.

– Как твоя гуру, ответственно заявляю: миром правит гармония! Нужно соблюдать все-ленское равновесие, блюсти баланс, – Летиция сколько можно крепилась, пытаясь сохранить серьезный вид и не рассмеяться, но не выдержала, губы сами собой расплзлись в улыбке. – Если сегодня ты налесбиянилась от души, то завтра будь добра, пройди очищение мужским началом... ну или концом!

Лю придвинулась вплотную к Кате и просительно зашептала:

– Подруга, мне нужно сойтись с моим ненаглядным Сиропчиком. Переспать с ним срочно, вернуть прошлое через пи... через женские чары! Ну что я тебе объясняю, организуй свиданку, а потом он хрен вырвется из моих цепких ножек.

– Но как?!

– В этом вся и сложность, – Летиция демонстративно погрустнела. – Я так просто перед ним нарисоваться не могу, там же друганы безвылазно рядом, кореша его сраные, перед ними запахло с бывшей мутить, «не по понятиям». Нужно внимание Женькино привлечь, просто знак дать, мол, твоя ненаглядная здесь, рядом, спит и видит, как с благоверным радости плотской любви разделить.

– Записку, что ли, передать? – открытый лоб Екатерины разрежала длинная, непривлекательная морщина.

– Нет, Катя, с таким в лоб нельзя, только шансы последние под откос пускать. Хмырь этот закуску «по-сибирски» в моем исполнении обожает, только я ее готовить умею. Семейный рецепт, естественно, с послевоенными вариациями, половину оригинальных ингредиентов уже фиг где достанешь. Я сготовлю завтра, а ты ему подашь в качестве комплимента от шеф-повара, – Лю выразительно постучала кулачком по накрытому огромной выгнутой крышкой подносу, стоявшему на столе. – Хмырь, как закуску увидит, вмиг просечет, что к чему!

Задумчивая складка на лице официантки стала еще глубже:

– Лето, а ты, случаем, не травануть его удумала?

– Сдурела?! Кто ж дойных коров-то колбасит!

– Кого?

– Да никого! Ну хочешь, сама сготовь, мне главное внешний вид похожий придать, чтобы Сиропчик не усомнился в авторстве. Он даже жрать закуску не будет, сразу меня искать кинется.

– Уверена?

– Ну, не бросится, а мирно и степенно выйдет в одиночестве до ветру...

– До чего?

– Катя, тебе сколько лет?

– Восемнадцать.

– Понятно... короче, сделает вид, что в туалет, а сам ко мне. И за отведенные мне минут пять я должна ублажить милка так, чтоб он ни о чем и ни о ком другом думать уже был не в состоянии.

Катя вздохнула, почесала затылок, вновь вздохнула, наконец кивнула:

– Я в тебя верю, за пять, не за пять, но минут за пятнадцать ты точно свое счастье бандитское уработаешь до полусмерти... в самом перспективном смысле слова... Помогу, конечно, только давай уже бахнем – от твоей романтики бл...дской башка трещит.

Глава 5

Скачка в ночи

Глаза Зверя... Они размером с крошечные пуговицы. Не удивительно, что рассмотреть их удастся далеко не сразу. Бестии приходится несколько раз ткнуться в меня своей мордой – я стоически переношу эти звериные нежности – прежде чем понимаю: черные навывкате бусинки по бокам уродливого черепа и есть незамысловатые органы зрения современного динозавра. Природа ржала во все свое дарвиновское горло, когда наделяла столь крупное создание такими скромными очами.

«У тебя очаровательные глазки, любовь моя», – уже привычно вру я и ласково поглаживаю ее по... назовем это щекой. «Девочка» довольно мурлычет. Женщины любят ушами... где они, кстати, у нее?

Не верю своему преображению. Пять лет, проведенных практически в могиле, в ожидании смерти... Но стоило на несколько секунд увидеть Илюшку – и жизнь вернулась! Я, вашу мать, жив. Помню об умершей жене, за которой всегда хотел последовать, ждал лишь повода, но думаю только о сыне... Жизнь весомее смерти! Горькой памяти не заткнуть, не перекрыть радостных возгласов очумевшего от счастья сознания.

Счастье... Господи, какое забытое слово.

Ночь трепещет перед двумя всадниками, оседлавшими адского скакуна. Зверь срывает ее покровы, с диким шумом прорываясь сквозь темное, замаскированное под черный саван пространство. Что она видит в этой темени своими игрушечными глазками? Наверное, ничего. Но ей не нужна дорога, с такой силищей и с такими габаритами можно сокрушать горы, так некстати оказавшиеся на пути. Прошьем ли мы Уральский хребет насквозь? Да, ставлю на это все свои патроны.

– Сулюк, где это мы мчимся? – стараюсь перекрыть завывающий в ужасе ветер.

Мой спутник, сидящий позади меня, молчит. Наверное, впал в кататонию – по словам Мастера Вита, это его обычное состояние. Или дикий свист ветра лишил его слуха – я сам себя слышу с трудом.

Смеюсь без особой причины. Сумасшедший Люк вряд ли осудит меня – ему ли говорить о признаках дурачины! Полуночная скачка пьянит, скорость – пусть я не вижу окрестностей и не могу ее оценить по достоинству – наполняет кровь бурлящим, словно шампанское, адреналином! Постапокалипсис, трясись, сраная ты эпоха, перед нашей поступью! Свердловский цирк выезжает на свою первую с тринадцатого года гастроль! Потрепаннные афиши обещают треш и угар – и никто не уйдет обиженным!

* * *

Деревянный помост, который мы с неким, весьма условным, комфортом делим с самозванным маркизом де Шизом, ворчливо поскрипывает на загравке несущегося галопом (или чем там носятся «бронтозавры») мутанта, выражая свой протест. Ему, помосту, не по душе столь вопиющее нарушение правил внедорожного движения.

– Сулюк, – я делаю новую попытку, – ты представляешь, где мы?

В напрасном ожидании ответа шокирую сам себя запоздалой мыслью: я начисто забыл о противогазе!

Скачка длится уже минут десять, но ни я, ни шизанутый маркиз даже не вспомнили об обязательном атрибуте поверхности! Резиновый намордник на фейсе, дозиметр на поясе, в

руках «калаш», за спиной рюкзак – дресс-код неизменен последние двадцать лет. Ну ладно Сулюк, ему простительно, но о чем думал я?!

Трясущимися руками лезу в рюкзак, краем глаза ловлю насмешливый взгляд де Шиза.
– Не ссы, солдатик, мы в Фарватере!

Солдатик? Не успел я в солдатики, если честно, Конец света наступил чуть раньше неизбежного после института призыва. Но придурка это не касается, мои же мысли заняты упомянутым «фарватером».

Несколько долгих секунд изучаем друг дружку: мои светлые очи полны брезгливой ярости и слегка озадачены, инвалид умственного труда излучает довольство и трудно объяснимую радость.

– Ну и? – первым, как и положено, не выдерживает адекватный член общества. Я кричу и требую объяснений.

– Мы в Фар-ва-те-ре, – нараспев повторяет Сулюк и, как ни в чем не бывало, укладывается на помост. Судя по уютно подсунутым под дурную голову рукам – спать!

Сучонок! Я громогласно награждаю его целым рядом хлестких психиатрических диагнозов, аккуратно до тех пор, пока натянутый на лицо противогаз не лишает меня радостей медико-ораторского искусства. Так-то лучше! В тишине, да не в... А почему не трещит дозиметр?

Прибор невозмутим и подозрительно тих, а демонстрируемые им показатели смехотворно мизерны и наверняка лживы. На поверхности не бывает таких «цифр»! Два десятилетия уже не бывает!

– Чудо – лишь одно из проявлений истины, – негромко, но отчетливо выговаривает Сулюк, не меняя своей эмбриональной позы. – Да здравствует ноль микрорентген в час и...

Что и – остается тайной, Зверь резко останавливается, и мы с дебилом едва не слетаем с помоста.

– Граждане, пристегивайте привязные ремни, – хохочет Сулюк, скользя мимо меня и неуклюже хватаясь скрюченными пальцами за плохо обструганные доски. Но впивающиеся под кожу и ногти занозы не в силах успокоить жизнерадостного рахита (термин из детства – медицински не совсем верный, зато эмоционально точный!). – Летайте самолетами Аэрофлота! Покупайте билеты сберегательного...

Непонятная жалость (или сталкерские инстинкты?) заставляет меня ухватить неадекват за руку и спасти от неминуемого полета к неблизкой земле. До нее лететь метра три, вполне достаточно, чтобы свернуть буйну головушку. На окончательный и не подлежащий обжалованию «бекрень».

– Ты редкостный отморозок! – моя фраза чудесна, в ней нет ни матерного слова, ни подзаборной брани. Дивлюсь сам себе.

Сам я держусь за веревочный поручень, надеясь на тех безвестных мастеров из Ордена Зеркала, кто собирал этот хлипкий на вид помост и всю положенную ему атрибутику. Между тем деревянная плоскость продолжает с геометрическим упорством стремиться куда-то строго вниз – мне не видно, но предполагаю, что Зверь вынюхивает на земле что-то одному ему ведомое. Мой вестибулярный аппарат требует возвращения на исходные позиции, но мутант, на чьей спине раскинулся чудо-помост, глух к его и моим призывам.

– Солдатик! – Сулюк остервенело дергает меня за кисть. – Вытащи из моего рюкзака противогаз!

Маркизу не дотянуться до своих вещичек, он болтается в самом низу нашего насеста, практически упираясь ногами в «гриву» Зверя. Куда же девался твой жизнерадостный хохот и неземное довольство?

Подражая ему, вывожу протяжно:

– Не ссы, лошара, мы в Фар-ва-те-ре!

Сулюк демонстративно закатывает глаза и одними губами кроет меня трехэтажным непотребством, но вслух просит вполне дипломатично:

– Служивый, мы обязательно поговорим об этом, только, пожалуйста, давай начнем наш разговор с выдачи средств индивидуальной защиты, лады?

Звучит слишком разумно для полоумного Люка, но я поддаюсь магии слова «пожалуйста». Однако, протягивая средство индивидуальной защиты страждущему, не забываю вовремя придержать руку:

– Подарки в обмен на объяснения, лады?

Сулюк рычит нечто утвердительное и торопливо выхватывает противогаз. Успокаивается лишь покрыв свое худое, плохо выбранное лицо спасительной резиной.

– Тебе идет, – киваю я и помогаю горе-компаньону занять более удобную позицию на накренившемся вслед за «вьючным животным» помосте. Когда же Зверь уже закончит свои наклонные изыскания?!

– У меня есть история специально для нашего случая, – голос Сулюка в маске глух, но если напрячь слух, расслышать вполне возможно. – До войны – я был тогда молод и по-настоящему безумен – мы с друзьями увлекались моржеванием. Ну как увлекались, друзья с криками и визгами ныряли в прорубь с ледяной водой, я же свой кайф получал от созерцания и радости, что все это не со мной. Кутаясь в теплую шубу, очень приятно наблюдать за игрищами двинутых «моржей». Но!

Сулюк сделал многозначительную паузу и со вздохом продолжил:

– Но однажды эта дурь не обошла стороной и меня. Вечные подколы – «ты боишься застудить придатки?», «будь мужиком, сунь свои яичники в воду» и прочая подобная херь заставили, наконец, принять спор: за ящик не самого дерьмового вискаря окунуть тестикулы в прорубь. Тебе знакомо слово тестикулы?

– Я не идиот, – отвечаю без особой обиды, история внезапно разговорившегося Сулюка обещает быть интересной.

– Так вот... Я был не шибко трезв. Нет, я был исключительно, чертовски шибко не трезв – и это хоть немного объясняет мой поступок. Я стащил с сиденья одной из машин мохнатку. Помнишь, раньше некоторые водилы вместо чехлов использовали такую мохнатую накидку, чтобы жопа зимой не пристывала к «коже»?

Я помню.

– Кинул я мохнатку на лед, в аккурат рядом с прорубью, стянул портки и, раскорячившись, как горный орел или козел – уж не знаю, кого из них так корячит, – макнул свое драгоценное хозяйство прямо в местный ледовитый океан. Кажется, дело на Шарташе было, впрочем, это не важно. Макнул и сiju, выполняю условие спора – минуту нужно было продержаться. Весь алкоголь из башки мигом выбило, матерюсь про себя, клянусь собственную тупость, а в голову все сказка не самая подходящая лезет, про то, как волк хвостом в проруби рыбачил. «Ловись рыбка большая и маленькая» – помнишь?

Со смехом подтверждаю: помню и это!

– Там в оконцовке у дебильного животного хвост в полынью вмерз и наутро его мужики всем селом отдирали... Уж не знаю, в каком смысле слова... Однако перспектива в любом случае незавидная! Еще и друзья кругом с мобилами носятся, на камеры мой подвиг снимают, обещают ютуб в клочья порвать... Когда чертова минута прошла, извлекал свою драгоценную пару с превеликой осторожностью, чтоб самому ничего не отодрать...

Помост вслед за телом Зверя дернулся и вернулся в полагающееся горизонтальное положение. Наш бронтозавр нерешительной поступью двинулся куда-то вбок. Таких приставных шагов я в жизни не видел! Преодолев столь странным способом десяток метров, мутант удовлетворенно хрюкнул на всю округу и с довольным урчанием рванул вперед, снова набирая крейсерскую скорость.

– Умница! – непонятно за что похвалил его Сулюк, подкрепив похвалу нежным тычком в загривок. – На чем я остановился?

– На извлечении замороженной яичницы.

– Точно, – маркиз быстрым движением сдернул с себя противогаз и жестом предложил мне последовать дурному примеру. Пришлось отчаянно крутить головой, отказываясь от неумного действия. Настаивать Сулюк не стал, только вздохнул с осуждением. – Вытаскиваю причиндалы и едва не кричу от ужаса. Мои роскошные, практически бычьи тестикулы сжались до размеров зеленого (или в данном случае синего!) горошка. Кроооохотные шарики в заиндевевшем кожаном мешочке!

Сумасшедший Люк настолько живописно и отчаянно врет, демонстрируя размеры «до» разведенными в стороны руками, а «после» – миллиметровым зазором между сложенными в кольцо большим и указательным пальцами, что сдержать хохот у меня нет ни малейших шансов. Раскачиваясь на помосте из стороны в сторону, судорожно нащупываю веревочные поручни – только бы не свалиться с нашего четырехлапого ночного экспресса!

– Зря заливаешься, солдатик! Хочешь докажу?

Сквозь слезы и душащий смех без промедления капитулирую: верю, верю!

– Вооооот! В рот компот, – замысловато протягивает владелец бычьего хозяйства, прервавшегося в горошинки. – В чем мораль поведенной мною бЫли?

– Мораль в баснях!

– Не умничай, служивый, мораль – она повсеместна. Она витает вокруг нас, заставляет атмосферу искрить молниями, безграничный космос наполнен ею до предела, все сущее есть лишь форма ее...

Чувствуя, что Сулюк начинает заговариваться, возвращаю его на прежние «рельсы»:

– Хорошо, в чем же мораль твоей бЫли?

– Ты запомнил размер моих горошин после водных процедур? – и не дожидаясь ответа маркиз машет перед моим защищенным противогазом лицом сведенными в кольцо пальцами. Расстояние между большим и указательным пальцем значительно меньше диаметра среднестатистического гороха, по крайней мере того, что сохранился в моей памяти.

– Миллиметры и микроны! – Сулюк горячится, древняя история заводит его. – Вот эти самые карликовые яички по массе и объему в разы превосходят массу и объем мозга нашего Зверя! В разы! – Люк потрясает вытянутым указательным пальцем, окольцованный союз с большим пальцем распадается за ненадобностью. – Зверь непроходимо туп, охренительно, непередаваемо туп! У тебя не хватит воображения, чтобы представить, насколько он туп! Так вот, это все чистая ерунда, настоящая беда в том, что твой мозг в сотню раз меньше звериного! – Сулюк срывается на крик. – Солдатик, ты тупее паровоза, четырехлапая котлета с клыками по сравнению с тобой гений чистой красоты!

Неожиданный поворот истории ставит меня в тупик. Хмурюсь под плотно облегающей резиной маской – вот все, на что хватает моей обескураженной реакции. Легкий ступор... Но кулаки на всякий случай сжимаются – это в битву вступают безотказные рефлексy.

Замечаю, что кулаки в полной боевой готовности и у моего разгорячившегося оппонента. Его угловатое, какое-то острое лицо – обтянутые кожей скулы, чуть вытянутая вперед нижняя челюсть (возможно, таковой она кажется из-за эспаньолки а-ля Политическая Проститутка Троцкий), нервно изогнутые тонкие губы, высокий, испещренный переменной глубины морщинами лоб, впалые глазницы – словно состоит из одних углов. Топорщающаяся во все стороны многодневная щетина лишь добавляет геометрической фигуре гротеска: бородатый треугольник с диагнозом. На «диагноз» работают сверкающие из-под куцых бровей глаза – вот там пылает настоящий огонь, цельная мартеновская печь! Не представляю, как она выглядит, но для красного словца...

– Ты форменный дебил! Увидел сынка и поплыл, как сучка! Включай мозг, мы посреди радиоактивного зоопарка, где обитают весьма злые гориллы, крокодилы и бармалеи! А если ты сдохнешь, Зверь в ту же секунду сожрет меня!

– Слышь, Чуковский, завязывай с истерикой, – не терплю визгов и ора, да и градус беседы пора сбивать. – Я не разобью тебе едало, если ты в течение трех минут объяснишь мне тихим и спокойным голосом суть произошедшего. За «форменного дебила» получишь волшебного пенделя в любом случае, но пищеприемник имеешь реальную возможность сохранить в неприкосновенности. Время пошло.

Сулюк недобро ухмыляется, отчего губы его изгибаются совершенно неестественным образом, так и гляди, треснут на множество малых губешек и подмножество наногубешек. Я – дитя несвершившейся нанореволюции, глупая приставка «нано» паяльником впаяна в прошивку моего головного мозга. Здравствуй, рыжий дедушка Чубайс, надеюсь, черти, что жарят тебя в эти секунды, не носят...

Не успеваю додумать, шипение маркиза заставляет забыть о предприимчивом нанодее-теле эпохи До.

– Ты хорошо слушал, о чем тебе втолковывал Витас? И, главное, хорошо УСЛЫШАЛ?!

Вопрос не в бровь, а в глаз. Слушать-то я его слушал, вот только думал все время о сыне... «Поплыл, как сучка?» Ну да, расклеился слегонца. Впрочем, посыпать голову пеплом перед надоедливим сумасшедшим – привычки не имею. Потому меняю тему:

– Витас – это Мастер Вит по-вашему, по-шизоидному?

Сулюк сплевывает:

– Мастер-ломастер Виталька... От вопроса не уходи, про мертвую реку понял что-нибудь?

Вот упертый баран!

– Зверь чует безопасный фарватер подземной мертвой реки и тупо бежит по нему до упора, до Москвы то есть. Я нахожусь с животным в ментальной связи и потому могу управлять...

– В анальной ты связи с животным! – Сулюк снова срывается на подвизгивающий крик, видимо начисто забыв о моих угрозах. Я не гордый, могу еще раз и напомнить. – Вообще ни хера не понял, горный ты удод!

Замахиваюсь, решаясь сэкономить бесполезные напоминания, но шизоид настолько потешно прикрывается зажатými в кулачок грязными, измятыми клочками бумаги (и откуда только их вытащил? Надеюсь, моя испорченная фантазия ошибается в своих предположениях), что ударить юродивого никак не получается. Добрый я... есть такая слабость характера.

– С-специльно д-для тебя записал, п-простыми с-словами, – перепуганный, вмиг при-смивший Сулюк жмурится и заикается. Мне почти жаль поганца.

– Давай сюда свою писанину, писатель драный! – превозмогая брезгливость, протягиваю ладонь. Почти жест мира.

Он мнетя в испуге сам и мнет без того измятую до безобразия бумагу. Наконец решается: «Держи!»

Кончиками пальцев осторожно берусь за уголок сулюковой рукописи и... пропускаю удар в челюсть. Гаденыш кидается на меня и тут же заваливает на спину. Вероломно! Не успеваю среагировать, как ощущаю прижатое к шее лезвие ножа. Оно наверняка холодное – так пишут во всех книжках, – но толстый резиновый ворот химзы лишает меня возможности проверить данный тезис. Приходится верить графоманам на слово.

– Еще раз вздумаешь угрожать мне, отрежу ухо! – Сулюк брызжет слюной, заплевывая мои окуляры. Хорошо, что я в противогазе! Надеюсь, слюна не ядовитая и не проест стекло...

– Солдатик, я псих, у меня и справка есть, – самозванный маркиз шипит уже по-новому, с противным прихрюкиванием. Похоже, это смех. – Один глазик выколою, другой останется, чтобы знал, говно, кому кланяться!

– Да понял я! Слезай! – пытаюсь представить Сулюка с балалайкой, наигрывающего шариковские куплеты. Получается откровенно плохо, шиз слишком интеллигентен для трехструнного народного инструмента, ему больше пошла бы виолончель. – Почитаю на ближайшем привале твои каракульки. Кстати, скоро привал?

Псих как ни в чем не бывало возвращается на свое место и, не глядя в мою сторону, пожимает хилыми плечами:

– Ты же у нас управляешь Зверем, вот и решай.

Управляю. Наверное... Мысленно отдаю мутанту команду остановиться. В ответ только свист воздуха да ветер в лицо. Наше необычное транспортное средство продолжает скакать неизвестно куда в кромешной ночи. Звучит красиво, дамам наверняка понравится: ветер в лицо, дикий, необъезженный скакун под седлом, прошлое далеко позади, а впереди лишь неизвестность да непроглядная завеса тьмы... Вот только я ни фига не романтик, темноты боюсь, неизвестности опасуюсь, дикий скакун воняет так, что режет глаза, а верный мой спутник Санчо Пансо – патентованный шизофреник с членовредительскими наклонностями.

Предпринимаю еще десяток тщетных попыток связаться со Зверем по ментальному каналу (термин богатый, мне нравится, только «ментало» вот-вот взорвется от напряжения), затем ору на него нечеловеческим голосом. Все без толку, нашему мутанту-паровозу нет никакого дела до горе-машиниста. В сердцах сплевываю (мечусь в спину Сулюку, но в последний момент воспитание сбивает прицел) и с разобиженным видом... сдаюсь. А что еще остается? Вожжей у меня нет, шпор тоже, ментальный канал связи забит помехами (в голове уже шумит, ага), орально-кричальная система связи не работает – Зверь, сука, глухой и тупой! Сда-юсь. Ты носи меня, река (мертвая), за крутые берега!

Глава 6

Сиропчик в собственном сиропчике

Сны не были похожи на возбуждающие воспоминания. Стройная грудастая Катя не попала в грезы, уступив место страхам и гнетущим кошмарам. Поутру Летиция не помнила, что ей привиделось, но тревога после пробуждения никуда не делась. Вязкая, тяжелая, она преследовала девушку и с этой стороны реальности.

«Словно и не спала», – разочарованно пробормотала Лю, поглядев на часы.

Полутьма гостиничной комнаты ответила ей напряженным молчанием. Даже разговорчивая скрипучая кровать притихла, присоединившись к общему бойкоту.

Шершавый, неровный пол ожег голые ступни неуютным бетонным холодом. Заспанная Лю поморщилась, на секунду замерла, сидя на кровати. Решительно поднялась на ноги, от души потянулась. Растревоженные быстрым пробуждением косточки и суставы недовольно защелкали.

Девушка нащупала в темноте выключатель и зажгла тусклую, мерцающую от любого вздоха лампочку под невысоким потолком. Крохотная комната залилась блеклым, безжизненным светом, а Лю спросонья зажмурилась. Свет, хоть и слабый, больно резанул по глазам.

Нужно было одеться и плестись в общую уборную, где, не дай бог, придется отстоять очередь из таких же утренних доходяг. Лю вяло понадеялась, что постояльцы еще спят и столпотворения в туалете удастся избежать, еще более вяло позавидовала обитателям люксов, эти счастливчики наслаждались умывательно-полоскательными радостями в гордом одиночестве.

Натягивала одежду, стоя напротив зеркала и внимательно оценивая свои «прелести». Заспанное, немного опухшее лицо, спутанные волосы, осоловелый взгляд – нет, не любила она рано вставать! – но при этом красота никуда не девалась, здесь она, притаилась, ждет расчески, освежающей прохладной воды, баснословно дорогого крема из каких-то растений-мутантов, легкого массажа кончиками пальцев...

Чуть вытянутое лицо с тонкими чувственными губами, большие сине-серые глаза, аккуратненький носик, длинные, до плеч темные волосы и ее гордость – чистая, ухоженная кожа без малейших следов сыпи. Бледновата, конечно, но не той мертвенной белизной, что уродует большинство метрошных женщин! Ходили слухи, что где-то на востоке метро работал солярий, сохранилась с довоенных времен кабинка, и умельцы даже смогли ее запитать надлежащим образом... Попасть бы туда, вот на что не жалко никаких денег...

«Разберусь с Сиропчиком и отправлюсь в солярийное паломничество, пусть делают из меня негру». – Лю слабо улыбнулась своему отражению:

– Красивая ты, сучка, но дурнаая!

Прежде чем скрыть обнаженную грудь под одеждой, еще немного покрутилась перед зеркалом. Неплохие титьки, но до четвертого размера Катерины далеко... Полноценный, с соблазнительными формами второй размер, жаль, чуть не дотягивает до уже самодостаточного третьего. Раньше, ей рассказывали, женщины могли увеличивать свое парное достоинство хоть до коровьего вымени, только плати бабос!

«Мужики, твари вы последние, на кой ляд такой мир сгубили?! Сделала бы себе сейчас вожденную троечку... или сразу охренительную пятерку?» – Лю нахмурилась в расстройстве, бесплодные мечтания ее не возбуждали, но тут же расправила кожу на лбу и погрозила отражению пальцем:

– Не вздумай мне фейсик портить! Наморщилась она...

А еще был чудо-ботокс... Летиция с видом мученицы закатила глаза и решительно двинулась навстречу «уничтоженному мужиками» миру.

* * *

Спустя час, с минимумом макияжа на лице, в скромной походной одежде, состоящей из камуфляжных штанов и куртки цвета хаки, Летиция отправилась в гости к Екатерине.

Подруга встретила ее тяжелым похмельным взглядом, в котором последовательно отразились удивление, испуг, стыд и, наконец, неискреннее раскаяние с легким оттенком озорства.

– Катерина, зафиксируй это выражение лица! Развратный блеск в глазах гораздо живописнее стыда.

– Леточка, шлюха ты растакая, – хозяйка огороженной пластиковыми панелями клетушки пять на три метра приветливо махнула гостье рукой, приглашая внутрь.

Внутри приобняла и целомудренно чмокнула в щеку.

– Я все еще пьяная! В жизни так не напивалась... еще и в компании с растлительницей практически уже замужних дам!

Летиция окинула взглядом жилище офицерской невесты. Заметив в дальнем углу шкаф с мужской форменной одеждой, поправилась: «жилище молодой пары, офицер плюс официанточка».

Небогато. Чистенько, аккуратненько, но на грани *бедненько*.

– Ты еще скажи, что тебе не понравилось? – Лю, наконец, отвлеклась от осмотра. Придала голосу обиженно-возмущенные нотки: – Ни за что не поверю!

– Не верь... – Катя потупила взор. – Так хорошо мне еще никогда не было!

– Замечательно! Однако теперь должно последовать разоблачительное «но».

– Но теперь, – девушка послушно кивнула, – я чувствую себя грязной, будто изменила любимому человеку...

– А ты раньше ни-ни?

– Ну... – Катя замялась, глаза ее, до сих пор сверлившие пол, испуганно уставились на гостью. – Пара дружеских мине... петтингов ведь не счет?

Летиция усмехнулась про себя, «молодой офицер у нас уже вполне зрелый роконосец с незавидным стажем».

– Не в счет, – Лю старалась быть убедительной. – Да и наши вчерашние посиделки не измена. Отнесись ко всему, как к тренировке, я помогла тебе раскрыть собственную чувственность, ощутить себя женщиной – сексуальной и привлекательной. Наши маленькие девичьи хитрости сделают вашу постель чуть более страстным местом. Согласна?

Девушка неуверенно кивнула.

– Катя, изменяют не писточкой, а сердцем, запомни это. Я твое сердце не крада – подумаешь, чуть помассировала эрогенности, – и оно по-прежнему принадлежит твоему ненаглядному.

Новый довод показался Екатерине более убедительным, она улыбалась гораздо уверенней.

– Спасибо Лето, это как раз то, что я хотела услышать.

– Вот и славно. Тебя успокоили, можно и моей персоной заняться. Ты не забыла, о чем мы вчера договаривались?

– Не забыла. С тебя рецепт, с меня блюдо. Попрошу девчонок на кухне, они твой эксклюзив в два счета сварганят.

– Отлично! – Лю тут же принялась записывать придуманный на ходу рецепт. – Однако перед тем, как ты подашь блюдо, я хочу внести в него пару «внерецептурных» черточек. Милый должен получить не просто угощение, но и послание...

– Лето, мы договаривались, никакого яда! – Катерина посерьезнела.

– Катя, клянусь, никакой отравы, слово даю! – Летиция придала лицу максимально честное и чуть обиженное выражение. – Соусом свои инициалы нанесу – своим же почерком, и

даже тугодум Сиропчик мигом просечет тему. Я действую наверняка, второй попытки никто не даст.

– Хорошо, – сдалась официантка. – Пришлю кого-нибудь в твою комнату, доставят тебе блюдо для кулинарного автографа.

– Договорились. Я планирую снять второй вип-кабинет, там тебе *расписное* кулинарное чудо и верну.

* * *

Распрощавшись с подругой, Летиция отправилась к вип-вагону. Предстояло убедиться, что клиент в урочном месте. Клиент был где положено, мордороты из охраны красноречиво торчали у входных дверей в кабинет. Однако сегодня компанию им составляло трое солдат в военной форме. Вывод из увиденного следовал простой: переговоры начались, местное начальство в эти минуты заседало с бандитами, обговаривая свои темные совместные делишки.

Лю крепко выругалась: заказ был на Сиропчика, но ясеневских бонз трогать при этом наверняка не стоило. Придется ждать, мужики любят почесать языками, а потом еще и обмыть то, что успели «начесать». Проклятье! План требовал пусть небольшого, но все же изменения: до того, как сиропчики расстанутся с руководителями станции, подавать «подарок» нельзя! Нужно довести это до сведения Катерины, чтобы не дергалась раньше времени.

Летиция вспомнила, что в вип-кабинете есть кнопка для вызова официанта. Нажал, и тут же получил ненаглядную Катю, просто и никакого гемору! Однако и здесь ждал облом – на сдвижных дверях кабинета висела табличка «Спецобслуживание», что в простонародье именуется однозначным «Занято».

Впрочем, табличка девушку не смутила, охраны у входа не было, и ничто (кроме предупреждающей надписи) не мешало целеустремленной Лю проникнуть внутрь помещения. Там в интимной полутьме отдыхала немолодая пара – кавалер в парадном кителе со множеством наградных планок и дама в аляповатом цветастом платье довоенного производства – дорогая вещь, но совершенно безвкусная. Что у них нынче? Юбилей свадьбы, день рождения пожилой солдатки (вернее, офицерки), обычный романтический ужин (время было еще обеденное, но фраза «романтический обед» вызывала у Летиции стойкое лингвистическое отторжение) при вонючих самопальных свечах?

– Извините, граждане, проверка коммуникационного оборудования, – Лю с деловым видом протиснулась рядом с замершей от неожиданности женщиной и вдавила кнопку звонка.

В ожидании Кати девушка вызнала у отдыхающих предполагаемую длительность их предпенсионного досуга, совершенно не удовлетворилась прозвучавшим «часа три, не меньше». И предложила освободить кабинет за нескромную взятку в несколько десятков патронов.

Мужчина долго артачился, поминал красный день их супружеского календаря, бросал презрительные, исполненные брезгливости взгляды на патроны, рассыпанные по столу, но конец напыщенным стенаниям положила его спутница:

– Бери патроны, старый дурак. – У женщины оказался командный голос, по силе многократно превосходящий мужнин фальцет. – В задницу день такого знакомства! Всю жизнь с гулящим козлом промучилась, пока, наконец, блудливый йонг не отсох у него от непрерывного бл...ства! Теперь на романтику его потянуло, впервые в жизни дату знакомства вспомнил! Не позорился бы!

Громко препираясь, супруги покинули кабинет. Естественно, не забыв от вознаграждения. Семейные склоки семейными склоками, а денежки любят счет.

Появившаяся в проеме Екатерина удивленно проводила согбенные спины удаляющейся восвояси парочки, но, заметив в кабинете Летицию, все поняла и от ненужных вопросов воздержалась. Умничка, а не официантка!

– Что-то рано ты... случилось чего?

– Катюш, мой ненаглядный с местными набольшими заседает, ты уж будь ласка, с «угощением» не торопись, – Лю опустилась на диван, нервно застучала пальцами по столу. – Сиропчику до конца переговоров точно не до меня будет. Придется ждать.

Официантка с готовностью кивнула:

– Конечно, что я, не понимаю, что ли. У *таких* дело на первом месте... Кстати, тебе блюдо сюда принести? Девчонки его уже готовят.

– Да нет, давай в гостиницу, как договаривались, все ингредиенты там. Только кабинет для меня придержи, я закончу и сюда переберусь – поближе к суженому.

* * *

Как Лю и просила, блюдо было сервировано на подносе с крышкой. Девушка вилкой подцепила кусочек кулинарного шедевра, изготовленного по ее экспромт-рецепту. На вкус «экспромт» получился гадостным («на особого любителя», по дипломатичному выражению Катерины), но удивляться этому не приходилось: среди множества разносторонних талантов Летиции готовка никогда не значилась.

Без колебаний избавившись от несостоявшегося угощения, Лю принялась готовить «начинку» по настоящему рецепту, которому ее обучили наставники по киллерскому мастерству. От прежнего блюда остался только ресторанный колпак (Катерина открыла ей правильное название подноса с крышкой) в роли троянского коня. Бойтесь данайцев, комплименты от шеф-повара приносящих... Древние греки были бы ею довольны!

Управившись с «готовкой» за полчаса, Летиция озадачилась достойным названием своему кулинарному рецепту: в голове вертелись дикие «Фарш кровавый а-ля Лю», «Сиропчик в собственном сиропчике», «Взрывная-отбивная-отходная», но ничего эпичного – для послужного списка, так и не родилось. Пришлось принять банально-созерцательное: «Катюшкины забавы, смертельные подставы».

Девушка с нежностью погладила вновь закрытый ресторанный колпак и хищно улыбнулась своему искаженному отражению в отполированном металле. Улыбка вышла что надо, почивший Голливуд обзавидуется!

– Милый-мерзкий Сиропчик, моя стряпня – чистый отрыв башки. А также конечно-стей, кишок и прочей требухи! Настоящий фейерверк вкуса, прощальный бигбадабум для всех отбывающих на небо! Хотя нет, дружище, тебе ведь предстоит иной маршрут, в противоположную сторону... Кому лестница в небо, а кому и прямая дорога в ад!

Лю было немного жаль Катерину, та «попадала» в любом случае, но войны без жертв не бывает.

– Эх, какие титьки пропадают.

* * *

Долгое томительное ожидание угнетало, даже уютный вип-кабинет вскоре перестал казаться таковым. Летиция не настолько давно была в профессии, чтобы не волноваться перед операцией. Она боялась, ее ощутимо потряхивало. Чертов мандраж! Но прошел час, за ним другой и третий, а развязка все откладывалась и откладывалась.

Уставший нервничать девичий организм заскучал. Скука сменилась злостью, злость унынием, а потом крайне несвоевременно вспомнился призрак женщины с ребенком из туннеля.

Что она там визжала? Шпарь серого кипятком? Садистская, видать, сказочка, *волконенавистническая*... И, как показала практика, до добра подобные истории не доводят.

Что сгубило несчастную мать и ее вряд ли счастливого детеныша? Кто убил их и за что? И почему они явились ей, Летиции? «Чертова чертовщина! Тоже мне *спокойный* туннель!»

Лю заказала легкий ужин (от алкоголя благоразумно отказалась – не время и не место), есть не хотелось, кусок, что называется, в горло не лез, но поковыряться в местной грибнице с полчаса – чем не развлечение?

Летиция полюбовалась своими изящными тонкими пальцами – мама называла их пальцами пианистки, но кто видел в метро хоть одно пианино? – произнесла привычное многозначное «эти руки не для скуки» и устало зевнула. День непозволительно затягивался, а заказанный ей клиент все еще напрасно переводил кислород. «Сиропчик, ты живешь в кредит! Дурень, уходи красиво, не тащи долги на тот свет».

Катерина появилась только под вечер:

– Лето, начальство свалило, но и бандюки твои не засидятся, по койкам собираются. Устали, горемычные, языками чесать.

– Ну наконец-то! – Лю нецензурно, зато емко обрисовала свое отношение к болтливым мужикам.

– Слушай, а ты чего как халдейка вырядилась? Все походное, страшненькое, ни титек не видать, ни задницы – на такой прикид у твоего бластного жеребца вряд ли встанет!

– Не то что встанет, вскочет так, что лоб береги! Он же с малолетства по колониям да тюрьмам – у него после Катастрофы в жизни ничегошеньки не изменилось, как были четыре стены вокруг, да небо в клеточку, так все и осталось, – Лю понизила голос и подмигнула подруге. – Он же меня только в ватнике и жучит, причем строго сзади, и приговаривает: «Ничего, браток, ты потерпи немного, зато на воле девок будем щелкать».

Неизвестно, слышала ли Катерина этот анекдот раньше, но заржала она оглушительно, с не замеченным до того умиленным подхрюкиванием.

– Лето, с тобой не соскучишься!

А просмеявшись, заявила уже серьезно:

– Все, родная, наводи марафет на свою кулинарию. Даю тебе минуту, а сама пока гляну, чего у бандюков творится.

Вернулась Катерина практически мгновенно, гораздо раньше обещанной минуты. С шумом разъехались двери, и официантка с криком «шустрей, красавица, твой хахаль счет просит!» тут же унеслась обратно с закрытым подносом в руках. Лю, мысленно посчитав до десяти – в таких случаях бесконечно трудно держать необходимую паузу, – подхватила рюкзак и устремилась за официанткой. Время, совсем недавно бывшее вязким и тягучим, пустилось вскачь.

Теперь события могли развиваться двумя возможными путями:

Катя ставит «комплимент от шеф-повара» на стол и уходит, предоставляя посетителям возможность самим поднимать крышку с блюда; либо выпендривается и с услужливой улыбкой проделывает все это за них. Для дела разницы никакой: прикрепленные к крышке чеки от гранат, которые, в свою очередь зафиксированы на подносе, вызовут неизбежный взрыв с многочисленными и, по большей части, желательными жертвами среди немирного населения. Но в первом случае красивая девочка Екатерина останется жить (по крайней мере, до суда и приговора за пособничество в убийстве), ей всего лишь нужно покинуть помещение до...

Оглушительный взрыв заставил вагон покачнуться на рельсах, заделанные чем попало окна вылетели наружу и разлетелись от удара о бетонную стену тоннеля. Из кабинета повалил густой едкий дым, показались первые языки пламени. Криков и стонов не было, никто не метался по развороченному салону, никто не звал на помощь, только охранники, дежурившие

у дверей и оказавшиеся после взрыва на полу, иступленно таращились туда, где секунды назад заседал их могучий шеф с сотоварищами.

Летиция несколько мгновений оценивала картину побоища, взвешивала, кинуть ли еще «контрольную» гранату – последнюю, оставшуюся у нее, – но рисковать не стала. Охрана хоть и контужена, но отнюдь не слепа... а погоня в планы Лю совсем не входила, да и зачем раскрывать себя, сколько пройдет времени, прежде чем местные следаки свяжут залетную девицу с убийством? К тому времени она будет нежиться в солярии, спуская направо и налево шальной гонорар.

– Убивают! Помогите! Пожар! Горим! – истошно вопя, Летиция бросилась в глубь туннеля, мимо безработных теперь вертухаев, навстречу несущимся с поста дозорным. – Мальчики, спасите! Это что же такое делается, люди добрые?!

Суровые дозорные пронесли мимо истеричной, заламывающей руки бабы, не обращая на крикунью никакого внимания. Что-то серьезное случилось в ресторане, где сегодня отдыхало все станционное начальство с гостями с бандитского севера! Какое им, доблестным постовым, дело до перепуганной тетки, когда дело пахнет «международным» скандалом, а то и войной.

Между тем «перепуганная тетка», миновав опустевший пост и не задержавшись там ни на секунду, как сделал бы любой законопослушный гражданин Общины, опрометью бросилась бежать дальше, прочь от Новоясеновской.

Лю праздновала очередную, уже пятую победу подряд. Удача не отвернулась, узнала в новоявленной «Летиции» бывшую фатовую девочку Айшварию, а значит, все еще только начинается!

* * *

Бег по темному туннелю быстро вымотал Летицию. Она была тренированной киллершей, но темнота умеет иссушать даже подготовленных людей.

– Катя, Катя, дурочка ты беспросветная, – Лю спросила себя, жалко ли ей так и не вышедшую замуж за рогатого офицера девушку. Но ответа не дождалась: совесть угрюмо молчала, как и всегда, сердце натужно стучало – но кто поймет его морзянку? – разум же упивался эйфорией. Она смогла, хрупкая девушка отправила на тот свет полудюжину отморозков... и доверчивую дурочку.

С Общины нужно уходить, но и на бандитских станциях нельзя задерживаться, может выйти боком... очень серьезным и фатальным боком... Куда отправиться одинокой, но совсем не бедной девушке? Где она еще не успела наследить? Неплохой вариант Ганза, там умеют ценить женскую красоту по достоинству, а она обладает выдающимся талантом в области траты чужих денег... Или податься сразу в Полис, говорят, там интересно, к тому же самолично выданный квест на солярий нужно непременно выполнить. Как пить дать, кабинка спрятана именно в этом легендарном месте!

Домечтать Летиция не успела, ей на голову упала невесть откуда взявшаяся сеть, а кто-то тяжелый, но при этом невероятно быстрый, сбил девушку с ног.

Глава 7

За кордон

Родной город, опасный, исполненный коварства и ожидания. Я так привык ждать смерть за каждым углом: приняв форму мутанта или другого человека, она выскочит, выползет, ринется с неба, догонит тебя свинцовой пулей в спину – на поверхности ты всегда в опасности, любая секунда может стать последней. Здесь нельзя расслабиться, нельзя ощутить спокойствие, нельзя быть ни в чем уверенным. Радиация, визгливо стрекочущая дозиметром, – еще один враг, вездесущий, неутомимый, следующий по пятам... Наше место под солнцем занял кто-то другой, мы обрекли себя на медленное и мучительное умирание в темных сырых подземельях, выпивающих жизнь по капле! Убежища, подарившие нам кров и многометровую бетонную крышу над головой, – тоже враги. Милосердные и заботливые – они не убивают, как пуля или радиация, изо дня в день они потихонечку лишают надежды, приучают к земле, стирают из памяти звезду по имени...

Солнце. Еще один враг. У нас не осталось друзей и союзников, мы вымираем по одному – в полнейшем одиночестве.

Я прощаю себе охватившую меня эйфорию. Впервые за двадцать лет я забыл о страхе! Вышел на поверхность и ни секунды не готовился к смерти, не ждал ее, не умолял об отсрочке. Ночной променад верхом на огромной бестии... оживший после тысячелетней спячки «динозавр» защитил меня, успокоил, подарил пусть обманчивое, но незабываемое ощущение силы! Я прощаю себе эйфорию, она опьянила сильнее любого вина, она наградила бесконечно веселым безумием – лучшие мгновения за многие-многие годы!

Но эйфория, как и любое опьянение, не может длиться вечно, я чувствую, что раскаяние – это проклятое похмелье для совести – совсем близко, почти достигло меня. Пора вновь быть серьезным и сосредоточенным, ждать беды со всех сторон, готовиться в очередной раз отбить атаку настырной старухи с косой... Я бы лучше опохмелился, честное слово!

Во что я ввязался? Шизик прав, стоило увидеть сына, и я ослеп и оглох от счастья. А еще совершенно отупел. Пересечь полстраны с востока на запад верхом на черт-те ком, да еще в компании черт-те кого, а на финише сделать черт-те что – это, без сомнения, конгениально! Конечно, Мастеру Виту не откажешь, но хоть задание можно было толком послушать ради приличия. Такого авантюризма (вообще-то идиотизма) я от себя не ожидал.

Что теперь? А теперь нужно успокоиться и включить мозг. Поработать с дебетом-кредитом... Броненосец по прозвищу Зверь – это явный плюс, такая мощная дура на твоей стороне, что еще нужно в радиоактивном мире для счастья? Ну, разве что управляемость этой дуры... Тут проблема, дура совершенно непослушна и, похоже, обладает самонаведением. Но Мастер Вит обещал: проблем с навигацией и спортивным ориентированием на пересеченной местности не будет. Значит, пишем в плюс.

Теперь компаньон, шизофреник с нерусским именем Люк. Характер у шизика, как и положено, премерзостный, наклонности маниакальные, помыслы... Помыслы-помыслы, какие могут быть помыслы у помешанных? Конечно, коварные и вероломные. Жесткий минус: постоянно ждать от единственного гуманоидного соратника подляны и подставы, хуже не придумаешь. Легкий, ненавязчивый плюс: Сулюк владеет хоть какой-то информацией, в отличие от меня. Клинический идиот на службе идиота обыкновенного... Будет у меня за аналитику отвечать, осуществлять информационную поддержку трансконтинентального тура Азия—Европа. Смешно.

Само задание. Поди туда – не знаю куда (в Москву, но не в саму, а в какие-то окрестные пикули), найди то – не знаю что (тут все строго по сказке: цель поисков неизвестна. Шизоид якобы на месте должен разобраться... тоже смешно).

Может, напиться в дугу? И ну его в баню, это путешествие из Екатеринбурга в Москву. Зверь довезет, Шизя на финише все сделает. Стоп, а я тогда зачем вообще нужен? Вит сказал, что я управляю зверем, но это не очень похоже на правду, мут не слушается меня совершенно. С другой стороны, на людей же скотинка не кидается, значит, какая-никакая, но польза от меня есть. Осталось прочистить ментальный канал (я прям тащусь от этого термина!) и... Что и? Направлять Зверя, получается, никуда не надо, он сам, как танк, прет к цели. Ну хоть «старт-стоп» командовать – все буду при деле!

Мастер Вит еще про «узлы силы» какие-то упоминал и отчеты о них требовал. Однако тут темный лес, прослушал я гражданина начальника, прохлопал ушами, Илюшку своего вспоминая... Будем считать, что Сулюк в курсе вопроса и просветит, когда время придет. Надо будет еще его бумажуйки почитать, чего-то же он конспектировал для меня! Эх, быстрее бы привал, все мышцы затекли, седалищная – в особенности.

– Солдатик, налево погляди, – компаньон прерывает мой затянувшийся брейншторм.

– Ничего не вижу.

– Подожди немного. Вон, вспышку видел?

Я ничего не вижу. Дурак дуркует или зрение меня подводит? Тупо тарашусь в темноту в ожидании озарения. При околонулевой видимости – а я различаю только то, что творится у меня перед самым носом, – трудно оценить скорость Зверя, однако складывается впечатление, что он уже некоторое время как перешел с галопа на рысь, по крайней мере, помост болтает значительно меньше.

– Сулюк, мы останавливаемся?

Он только кривится:

– Понятия не имею, у меня спидометр в жопу не встроен.

В моей кобуре изнывает от затянувшегося безделья двадцатизарядный Стечкин. Лишь огромным усилием воли заставляю себя не прибегать к его услугам. «Не стоит убивать юродивых в первый день знакомства, это невежливо». Повторяю мантру двадцать раз – по числу патронов в стальном магазине – и вместо отповеди хаму отвлекаюсь на короткое, быстро гаснущее свечение слева по борту. Это не вспышка, как утверждает компаньон, свет виден пару секунд. Не очень яркий, но достаточный, чтобы заметить его на не очень большом расстоянии. «Маячок» метрах в ста от нас, максимум в ста пятидесяти.

– Это сталкерский знак, нас осторожно «пеленгуют», просят откликнуться, – хотя зачем объяснять что-то шизофренику, включаю фонарь и рисую им концентрические круги в воздухе. Общепринятый отзыв на любой запрос. В данном случае на ненавязчивое прощупывание. Кто-то с той стороны заметил странное движение и, прежде чем предпринимать активные действия, опросил цель. Цель благоразумно ответила.

Реакция той стороны оказывается несколько иной, чем я ожидал. В глаза бьет сразу четыре мощных прожектора, в ту же секунду мы слепнем.

– Твою мать!!! Что это за херня?!

Хороший вопрос, заданный несколько истеричным, перепуганным тоном. Вернее, криком. Вероятно, под эвфемизмом «херня» невидимый крикун подразумевает наше гужевое транспортное средство.

– Не стреляйте, – стараюсь быть громким и убедительным. А если не получится, нас снесут ураганным огнем – повезло же напороться на заставу! Попутно удивляюсь выдержке местных вояк, при виде Зверя лично я начал бы палить без всяких предупредительных «твоюматей». – Животное ручное, а мы люди, путешественники.

– Руки подними, путешественник! – охранник разнообразит свое требование целым каскадом цветистых прилагательных, описывающих, какой я путешественник. По всему получается, что путешественник я неважный, еще и подвергнутый многократному сексуальному насилию. Не люблю лжи и оскорблений.

– Эй, пехота, драть тебя в три рота, – в литературном переложении моя реплика теряет значительную часть экспрессии и наделяет охранника странной физиологической особенностью (может, он мутант?), но разрядить накалившуюся обстановку все же удастся. Кто ж в России не ценит увесистого доброго слова.

– Откуда же вас, залетные, принесло? И что за чудище?

Последние годы я провел в добровольном отшельничестве и порядком истосковался по радостям живого общения. Мается от скуки и мой собеседник.

– Чудище безобидно, покуда под моим присмотром, – отвлекаю его внимание от первого вопроса двусмысленным ответом на второй. Намек на угрозу – безотказный прием, пусть поломает голову, мнимая она или реальная. Мне же нужно шустро сообразить, «откуда нас, залетных, занесло». Правда нынче не лучший вариант, скажи, что мы с Пояса Щорса, и проблем не оберешься. Во-первых, многие напрямую враждуют с Орденом Зеркала, а кто не враждует, тот, как минимум, недолюбливает обитателей странной зоны, разделившей город на две неравные части. Другого варианта не дано. Во-вторых, зачем мне лишние расспросы, если вообще не допросы? Служителей культа вояки с удовольствием покрутят на предмет тайн и загадок Пояса. Необходимо географическое происхождение позаурядней. Тут тоже не все просто: брякну, что с юга, со станции Ботаническая или Чкаловская, – и тут же получу: «Оп-па, родной, а как же ты здесь оказался, как через непроходимую Щорсу пробрался?» или того хуже: «Брешешь, господин хороший, обе станции давно в руинах лежат». Заикнусь, что с Уралмашевской ветки, – она-то точно в руинах не лежит, беда придет в зеркальном отображении: «Расскажи, мил человек, как через уничтоженный центр шел и как Пояс форсировал?» Про западные станции, недостроенные, лучше даже не врать, про них ничегошеньки не знаю, мигом на лжи поймают.

Кидаю наудачу:

– Плутанули мы по-жесткому, пока «лошадку» объезжали. Где хоть оказались?

– Это Мега, сынок! – с нескрываемой гордостью информирует мой новоявленный «папаша». По голосу он сильно младше меня, но возрастные аномалии отцовства и детства волнуют в данный момент меньше всего. «Мега»... Гигантский торговый центр на западной оконечности Екатеринбурга. Что сейчас означает это горделивое «Мега»? Ходили разные легенды, но слишком противоречивые, чтобы верить хоть в одну из них. Здравствуй, Терра Инкогнита нового мира, я твой нечаянный Колумб.

– Шизануться! – не сдерживаю рвущихся на свободу эмоций. – Мега?!

– Мега, Мега, – подобревший охранник доволен произведенным эффектом. – Она самая.

– Объездили, блин, скотинку, – я уже относительно спокоен, вместо бесплотных восторгов судорожно просчитываю варианты дальнейших событий. Но почему бы не подыграть теще-славцу, на дурака не нужен нож. – И как же вы здесь живете? Небось, как в сказке?

– Как в сказке, ага. Только в страшной, – собеседник ощутимо грустнеет. – А ты, браток, чьих будешь?

Вопрос звучит во второй раз, теперь не отвертеться. Впрочем, нужды в этом больше никакой.

– Уралмашевские мы. Думали, пару кругов по безопасным кварталам дадим и домой, но зверюга, сука полосатая, такие скачки устроила... – громко, чтоб собеседник услышал, вздыхаю. – Вы тут как, кстати, гостей привечаете? Без садизма-фанатизма? Наша тварь козлоногая в любой момент рвануть может, вы уж сделайте доброе дело, дружественным огнем не положите земляков.

– Эх, земля, – теперь вздыхает и охранник. Причем вздыхает сочувственно! – На вас только патроны изводить... Плохие новости, друг, вы строго по зараженной территории фигурируйте. Это объездная дорога, по ней живые давно не ходят... и даже мутанты не шастают. В пяти метрах от нее фон чуть не нулевой, но внутри... Ученые нашенские говорят «аномалия». Твой дозиметр должен с ума сходить.

Прислушиваюсь. Дозиметр молча лежит в рюкзаке, даже не думая сходить с ума. Но перебивать словоохотливого мегавца не буду, пусть вещает дальше.

– Не жильцы вы, дозняк хватанули такой, что мама не горюй. Такие, брат, дела.

Меня подобный расклад устраивает. Фонащих смертников никто на допрос не потащит, да и пулю в спину не пустит. Пожалеет боезапас. Сейчас бы еще достоверно изобразить испуг и свалить от Меги подальше, а в мнимых аномалиях разбираться будем после. Кошусь на притихшего Сулюка, как бы дурачок не ляпнул чего под конец. Н-да... дурачок мирно валяется на помосте, не подавая никаких признаков жизни. То ли впал в кататонию, то ли уснул, поймай шизоидов...

– Ну что ж, Мега, – голос мой весьма правдоподобно дрожит. – Не поминайте лихом. Глупая какая смерть, толком и не пожил...

Прожекторы гаснут друг за другом, лишь одинокий светлячок фонарика некоторое время мелькает в темноте. Вверх-вниз, вверх-вниз. Охранник машет нам вслед. «Наверное, нормальный мужик», – думаю я невпопад, и на душе становится тревожно. Мы приближаемся к границе города, и он прощается с нами, будто со смертниками.

* * *

Появившаяся из-за облаков луна освещает наш путь. Зверь никуда не торопится, вышагивает по растрескавшемуся асфальту, вальяжно переваливаясь с боку на бок. Ржавые остовы машин с противным скрежетом разлетаются в стороны, но мутант словно и не замечает их. Лишь громадный двадцатитонный «американец» ненадолго привлекает его внимание. Дурной грузовик стоит поперек дороги и пялится на нас разбитыми фарами. Тяжелую машину можно обойти по обочине, но зверюга движется по одной ей известной траектории и, на беду «американца» траектория эта режет его пополам.

Наш «бронтозавр» грудиной врывается в прицеп-цистерну янковского длинномера, но та не поддается, изо всех своих многотонных сил сопротивляясь русскому мутанту. А цистерна-то полная! И почему ее до сих пор не слили живущие по соседству меговцы?

На бочке нет никаких опознавательных знаков, но вряд ли там топливо, таким богатством не принято разбрасываться в конце первой трети двадцать первого века. Скорее всего, скисшее двадцать лет назад молоко или еще что бесполезное в «приусадебном хозяйстве».

Зверь чуть сдает назад и с небольшим разбегом идет на таран. Несчастный «американец» дрожит от удара всем своим железным телом, но занятую позицию не сдает. Мутант недовольно ворчит, пятясь толстой жопой на внушительные сто метров. Неплохо для серьезного разбега, однако очень плохо для пассажиров, восседающих на хлипком насесте.

– Брбня, фууу! – кричу, срываясь на визг. Так Зверь обретает, наконец, девчачье имя. – Стой, падла!

Вопреки приказу, падла ускоряется с каждым пройденным метром. На моем виртуальном спидометре стрелка лихо пробивает отсечку, отмеряющую двести километров в час, и с визгом уходит за горизонт. Отчаянно вою в полный голос, от дикого ужаса подражая локомотивному гудку. Твою мать! Твоююююмаааать!!!

Когда столкновение кажется неизбежным, бестия отталкивается от земли задними лапами – клянусь, я слышу, как под ними трещит асфальт, – и с грацией трепетной лани перелетает через препятствие. Жаль, приземляется с грацией бегемота – Зверь в полете цепляется

все теми же толчковыми конечностями за цистерну и всем своим немалым весом плюхается на передние лапы. Те не выдерживают и подгибаются. Дальше мы скользим по земле подобно самолету со сломанными шасси – на брюхе! Броня рычит от боли – я вижу нежное, не защищенное роговыми пластинами подборюшье и почти физически ощущаю ее мучения.

Все, стоп, машина! Туша животного замирает на асфальте, мы с шизом, напоминая нечистоты в проруби, болтаемся на помосте, из последних сил цепляясь за поручни. Только маркиз при этом отчаянно хохочет, а я поминаю его родословную вплоть до пятнадцатого колена включительно метким русским словом.

– Наш Горыныч ни фига не Бубка, – давится дурным смехом Сулук.

– Сулук, ты конченный даун! – бранные слова, не подкрепленные экспрессией, пусты и бессмысленны, но энергии для сильных эмоций попросту нет, Зверь слишком напугал меня.

– Солдатик, – маркиз подхрюкивает от удовольствия. – После случившегося, – а теперь наши отношения перешли на несравненно более высокий уровень, метров десять над уровнем моря, – можешь называть меня Зулук!

Какая неожиданная честь... Зулук – это в честь альбома некогда любимого Жана-Мишеля³ или странное производное от зулуса?

– Зулук – это Зулук. Произноси мое настоящее имя с трепетом и, желательно, с придыханием. Кстати, ты плохо выглядишь, неужели сотряс внутричерепную пустоту?

Кто бы говорил... Хотя нет, у маркиза с переменным именем в башке не пустота, а безостановочные взрывы шутих, салюты из конфетти, фейерверки из неугомонных шизинок... Черт, голова раскалывается, неудачно приложился виском о деревянный настил! Жестко начинается путешествие...

Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота,
Чижика, собаку, Петьку-забияку...

Я брежу? Веселый лепреконт-переросток Зулук в химзе и натянутом на затылок противогазе выдает на помосте барыню, лихо отбивая каблуками ритмы детской наркоманской песенки. Но до чего ж у него противный, подвизгивающий голосок! Мама, роди меня обратно!

* * *

Мы снова двигаемся. Нет, не мы – Шиз в отрубке, а я балансирую на грани сна и яви, – движется только Зверь. Не спеша бредет по Новомосковскому тракту, чуть подволакивая раненую переднюю лапу. Приземление закончилось травмой не только для меня... Наш бронепоезд оказался не таким уж «броней». Огромное и сильное животное, которое я со страху считал неуязвимым, отнюдь не лишено слабостей и «прорех в броне». Какая жалость!

Тракт – через несколько километров он превратится в федеральную трассу со скучным порядковым номером – почти не напоминает себя прежнего. Двадцать лет назад он днем и ночью устремлял бесконечные потоки транспорта на запад: мимо Первоуральска, свердловского города-спутника, до самой Перми, а потом возвращал всех обратно, убаюкивая на своих легендарных асфальтовых волнах. Мы смеялись над твоими продавленными колеями, ямами и рытвинами, но теперь смеяться не над чем, асфальт растрескался, полотно просело и расползлось, колеи поросли неустойчивыми растениями...

Вот что странно, я видел множество дорог, видел, во что превратило их безжалостное время, а больше любого времени над ними поиздевалась буйная флора: растения, названия которым еще только предстоит дать, буквально взорвали асфальтовую гладь изнутри, пробив-

³ Zoolook – четвертый альбом знаменитого французского мультиинструменталиста Жана-Мишеля Жарра.

шиеся сквозь щебеночную «подушку» деревья разнесли творение человеческих рук в клочья. Тракт же, несмотря на непрезентабельный вид, меньше всего пострадал от бесчинства природы: его мертвенный покой не нарушили ни чудовищные деревья – порождения радиации, ни изломанные мутацией кустарники, даже вездесущая трава не покусилась на беззащитный труп. Лишь мох неопределенного вида и цвета притаился на дне глубоких колея. Небогато, если честно.

Фарватер мертвой реки, путь, которым идет Зверь, – я должен узнать об этом побольше. Смертельная аномалия – охранник-меговец был искренне уверен в нашей обреченности, – мне еще предстоит хорошенько разобраться с тобой. Все ответы здесь: кручу в руках потрепанные записи Сулюка, жаль, для чтения слишком темно.

Луна исчезает за облаком, и мир погружается в первозданную тьму. В такие ночи лучше не покидать подземных убежищ, тебе нечего противопоставить прекрасно видящим в темноте хищникам. Взбесившаяся от радиации природа щедро наградила своих новых детей естественными «тепловизорами», инфракрасным зрением, ультразвуковыми «датчиками» и прочими чудесами. Люди же, лишившись техники, отбросили себя в каменный век, баланс изменился самым трагическим для нас образом – низвергнутый с вершины эволюционной лестницы человек ослаб до предела, а новые венцы чудовищного творения обрели страшную, неведомую ранее мощь. Обидно быть лузером, потерявшим все на свете.

Но, восседая на огромной бестии, пусть и слегка захромавшей, я чувствую, что мы сможем когда-нибудь вернуться в игру. И от нашего триумфального камбэка Земля вздрогнет... еще раз. Ей не привыкать дрожать под нашей поступью! Она сейчас отбилась от рук, мелко и подло мстит за годы людского владычества, в заносчивой глупой гордыне делает ставку на совершенно иных существ. Наивная, беспросветная дура, со времени динозавров ты постоянно ставишь не на тех! Слабоумная нимфоманка, заикленная на гигантских размерах...

Неожиданная мысль смешит. Изображая Императора Палпатина и Дарта Вейдера в едином лице, хохочу страшным злодейским голосом. Я дурачусь, и оттого смех мой натужен, но так уж влияет на меня общество законченного шизофреника Сулюка. Виновник дурного торжества ворочается на помосте и недобро зыркает в мою сторону заспанными глазами. Спи спокойно, дорогой товарищ маркиз. Сладких тебе кошмаров.

* * *

– Сегодня нехорошая луна, – Сулюк массирует виски, при этом смешно раскачиваясь на пятой точке. Он окончательно проснулся минут десять назад и с тех пор непрерывно подвывает и жалуется на головную боль. Как будто не я приложился башкой о деревянный помост, а потом пару часов кряду не мог уснуть из-за подзабытого со времен бурной алкогольной молодости «вертолета». Закрываешь глаза и кружишь-кружишь до тех пор, пора тебя не вывернет наизнанку. Какая гадость... Первый сотряс в жизни, ощущаю себя начинающим Эриком Линдросом⁴.

– Какая Луна, любезный Сулюк? – слегка ерничаю, это простительно впервые сотрясенным. – Облака надежно спрятали ее от тебя.

– Зулюк! – настырничает мой сумасшедший компаньон. – Зу-лук! Это во-первых, а во-вторых, если ты не видишь Луну, это не значит, что ее нет.

Чем дальше мы продвигаемся по тракту, тем свободнее становится дорога. Основной поток машин застрял на выезде из города – в пробках и авариях, здесь же, всего в нескольких километрах от Екатеринбурга, почти пусто. Заглохший транспорт брошен на обочинах, но его совсем немного.

⁴ Хоккеист, печально известный многочисленными сотрясениями мозга.

Подслушав наш спор, негодница Луна выглядывает из-за туч и, кажется, подмигивает маркизу. Отыскала лунатика и теперь подыгрывает своим!

Ее блеклый, отраженный свет выхватывает из тени густой лес, растущий вдоль тракта по обеим сторонам, но даже не покушающийся на рукотворную асфальтовую ленту. На протяжении всего пути я не вижу ни одного животного, хоть временами и слышу отдаленные завывания, гавканье, клекот и прочий мутантский гвалт. Объяснение простое: хвостатые, клыкастые, когтистые и прочие косолапые твари предпочитают обходить опасного Зверя стороной. Видать, высоко он забрался по иерархической лестнице постыжерных хищников... Я никогда не встречал никого, подобного ему в «живой природе», оттого, наверное, до сих пор существую.

– Су... Зулюк, какого рода-племени наш Зверь? Как называется порода?

– Среднеуральская борзая, – невозмутимо врет де Шиз. – И запомни уже: Зулюк! Не Сулюк, не Зулюк, не как-нибудь иначе. Это важно.

– Зануда ты среднеуральская. Я могу называть тебя «задротом», это однозначное слово без вторых смыслов, сложного написания и правильной эмоциональной окраски. Как тебе?

Сулюк не отвечает, но ему плохо, это заметно невооруженным глазом. Он все сильнее сжимает свои виски, а амплитуда колебаний на пятой точке достигает запредельных значений, боюсь, что страдалец вот-вот вывалится из «седла». Я бы поржал над его стремительным падением, но для возложенной на нас миссии это будет фатально. Добиться успеха возможно только полным составом, лишних людей (и зверей) у нас, к сожалению, нет. Придется заботиться обоих. Ну и о себе не забывать.

По устоявшему кресту сбоку от дороги узнаю местность – за поворотом будет стела, разграничивающая Европу и Азию. Мы стремительно покидаем «дикую азиатщину» и неуклонно приближаемся к «просвещенной Европе». Жаль, и то, и то сейчас находится в одинаково убогом состоянии.

– Вот новый поворот, и мотор ревет...

Забывтый напев в исполнении Сулюка впервые вызывает не раздражение, а приятную ностальгию. Хорошая была песня, правильная.

– Что он нам несет?

Пропасть...

Пение обрывается на пророческой ноте. Пусть за поворотом и не пропасть вовсе, но нечто безнадежное роднит открывшуюся картину с бездной. Мы останавливаемся и молчазираем на подсвеченный факелами биллборд. На нем одна-единственная надпись, выполненная неверной и явно неумелой рукой. УБИРАЙТЕСЬ. «Убирай» выписано крупно и размашисто, а для окончания «тесь» места слегка не хватило – потому невежливый императив выгнулся кочергой, последние буквы накренились, уменьшились в размерах и стыдливо сползли куда-то вниз.

УБИРАЙтесь.

Вот оно, европейское гостеприимство. Вряд ли воззвание адресовано монстрам, плохо разбирающимся в изящной и не очень словесности. Здесь не ждут людей... причем не ждут их другие люди. Интересно? Еще как.

Зверь замедляет свой неспешный бег, неужели тоже озадачился хамским биллбордом? Или его внимание привлекла огненная иллюминация?

А вот, кажется, заметили и нас: два мощных прожектора, установленных на противоположных краях высокой насыпи, перегородившей дорогу, тычут в морду животного яркими лучами. Броня недовольно рычит и скалит зубы – страшное, должно быть, зрелище!

Точно, страшное: сначала испуганно стрекочет автомат, затем добавляет более мужественных басов громогласный пулемет.

Твою же мать!

Пули свистят совсем рядом. Я вжимаюсь всем телом в помост и глупо прикрываю голову руками. Зверь содрогается всей своей необъятной тушей и воет от боли, разъяренный свинец нещадно жалит его.

– Бронька, отступаем! Назад, быстро! – на миг отрываюсь от помоста, замечаю Сулюка. Он спокойно стоит и рассматривает преградившую путь заставу. Не боится смерти? Точно, шизоид!

Зверь пятится. Обиженно всхлипывает, подвывая с какой-то особенно трагической интонацией, и уводит нас с линии огня. Оказавшись за спасительным поворотом, шумно перевожу дух. Что ж вы творите, твари двуногие?!

Нужно немедленно осмотреть раны Зверя, но все силы ушли на испуг. Слишком близко подобралась смерть, слишком настырно выцеливала нас из пулемета.

– Сулюк, ты совсем кретин? – я должен как можно скорее отвести душу, иначе не успокоиться, не унять охватившую дрожь. – Какого на рожон лезешь?

– Зулук не бояться разящих огненных пчел! – маркиз гордо бьет себя в грудь и сотрясает тщедушным кулачком воздух. – Зулук храбрый воин, Зулук разможит врагу череп и съест его горячий мозг! Зулук выпьет алую кровь, Зулук наматает его кишки на свой огромный член...

Мой спутник озадаченно чешет затылок и произносит уже совершенно иным голосом:

– А дальше не знаю... Кишки на члене – это мощный психоневрологический образ! Фрейду бы точно понравилось. Однако я не представляю, что с ними делать потом, после намотки.

– Ну и славно, – лгу я, не замечая ничего славного. В нашей причудливой (от слова «придурочной») тройке Бронька далеко не самая слабоумная, у нее есть серьезный конкурент.

– Что будем делать, есть предложения? – меня не интересуют предложения неадекватов, это вопрос для самообсуждения и самодискуссии. Высказанный вслух... Ну не могу я в такие моменты думать молча!

В ответ маркиз извлекает на свет Божий пистолет – кто додумался выдать психу огнестрел?! Ну, Мастер Вит, погоди! – и шесть раз прицельно стреляет в небо. Я знаю, куда он метит, – в Луну. День открытых дверей на Поясе Щорса достигает апофеоза: выпущенный на волю шизофреник вот-вот собьет с небосклона полуночное светило. Тир для дебилов с манией величия... Уж не знаю, насколько все эти диагнозы совместимы... по мне, так вполне. У меня есть живой носитель грандиозной истории психической болезни.

Сулюк победно улыбается мне и повторяет лунную канонаду, но теперь более манерно: выстрел, длинная пауза, затем два выстрела подряд, снова пауза и в заключение три выстрела без остановки.

Очень похоже на условный сигнал. А что, совсем неплохо для убогого!

– Привлекаешь внимание противника или просто тратишь боезапас?

– Хочу пообщаться с пересравшимися пограничниками, – Сулюк почти серьезен, лишь мерзкая полуулыбка, с которой ему никак не удастся справиться, выдает настоящее настроение: маркиз развлекается!

И мне, черт возьми, это нравится... Только зря говорят, что с ума поодиночке сходят, это штука весьма заразная!

Мы терпеливо ждем. Зверь, в отличие от нас, кротость характера не проявляет, гневно переминается с лапы на лапу, злобно пыхтит себе под нос что-то свое мутантовое, угрожающее. Надо будет осмотреть его раны, но чуть позже. Кровь фонтанами не бьет, конвульсии и судороги не наблюдаются, значит, будет жить – вот такая она, моя немудреная полевая медицина. Разберемся с нервными пограничниками и займемся лечением. Обещаю, Бронька, потерпи, родная.

Стрелковые изыски шизофреника не остаются незамеченными, искаженный громкоговорителем голос нарушает затянувшуюся паузу:

– Вы... – далее идет мощный нецензурный оборот слов на пятьдесят, характеризующий нас как незваных гостей с многочисленными умственно-сексуальными изъятиями, – убирайтесь! Здесь вам не рады.

Фраза про «не рады» в оригинале звучит значительно экспрессивнее и сильно продолжительнее, мой внутренний цензор запикивает без остановки лексические виртуозности пограничника. Не люблю, когда меня оскорбляют, особенно матом, про себя обещаю натянуть оборзевшему говоруну орало на анало.

– Отставить «убирайтесь»! – в эфире звучит новый голос. Он точно так же обезображен неким громкоговорящим прибором, точно так же груб и склонен к использованию ненормативной лексики, зато нравится мне гораздо больше первого оратора. К тому же командирских ноток у нового собеседника поболее будет, явно кто-то из набольших. – Если вы люди, выходите, поговорим. Обещаю, стрелять не будем!

Внутренний цензор от перегруза отключается, в уши вливается нефильТРованная кака. Я люблю русскую речь во всех ее проявлениях, но мат уважаю строго по делу, а не в качестве соединительных связок, междометий и смысловых переходов. Здесь же с матом явно перебарщивают, как дети малые, дорвавшиеся до свободы и безнаказанности.

Переглядываемся с Сулюком. Мне плевать на его неадекватное мнение, но сейчас нужна поддержка, необходимо обсудить и принять непростое решение:

– Ты доверяешь этим отмороженным погранцам?

Маркиз серьезен до крайности:

– Как можно доверять отморозкам? Другое дело, что выбора у нас нет, свернем с Фарватера и огребем по полной!

Опять чертов фарватер. Достали непонятки. Но Сумасшедший Люк в каком-то веке рассуждает здраво, наш путь проходит через заставу и, значит, придется договариваться.

– Бронька, но-о! Пошла, милая, – со всей дури треплю Зверя по холке. – Побеседуем со сквернословыми.

Мутант моих тщедушных тычков, ясно дело, не ощущает, с его-то повышенной толстокожестью, однако неожиданно подчиняется и величаво трогается с места. Идет спокойно, чуть ли не грациозно (хочу обернуться и проверить, не вихляет ли наше транспортное средство массивным задом, но мы уже на повороте, не стоит отвлекаться, когда тебе в лицо смотрит еще не остывший пулемет), будем считать, что ран серьезных нет. Иначе бы не выделялась.

Пока приближаемся к земляному валу (а сердце-то как хреначит в груди! вот-вот проломит ребра и укатится, как колобок), внимательно рассматриваю укрепление и вооруженных людей на защищенном мешками с песком гребне. Что-то мне отчаянно не нравится, есть какая-то лютая неправильность в этой «фортификации».

– Вы точно люди? – кажется, замечаю человека с мегафоном, он прячется за мешками, наружу торчит лишь раструб прибора.

– Точно-точно, – кричать даже не думаю. И расстояние велико, и ветер дует в нашу сторону, унося слова к покинутому Екатеринбург. Просто поднимаю руку в знак согласия. Лишь бы мой жест не приняли за «зигу», фашистов никто не любит, даже отморозки.

– А что за херня с вами? – мегафон тычет в направлении Зверя. Невольно ухмыляюсь, судя по размерам «херни» – это мы с ней, а не она с нами.

Интересно, как дать ответ на этот вопрос при помощи жестов и прочей доступной пантомимы?

– Подъезжайте ближе, не бойтесь, – человек-рупор догадывается о моих затруднениях и невеликих талантах мима. Вот только почему эта сволочь до сих пор прячется, а нас зазывает на расстояние прицельного выстрела? Ох уж мне это погранцовое лукавство!

– Здравствуйте, люди добрые! – я лучше порву голосовые связки, чем приближусь хоть на метр к наставленному на нас пулемету.

– Не слышу!

Вот сука редкостная.

Теперь точно никакого выбора не остается. Пулемет и несколько автоматов, что так настойчиво буравят нас своими надменными, презрительными взглядами, еще далеко, но каждый шаг навстречу смерти (пусть только возможной) дается невероятно тяжело. Маркиз сопит в спину, длинным, худым носом гоняя воздух без всякого смысла. Хоть бы сказал чего-нибудь, подбодрил или, наоборот, остановил, так нет, молчит калека, дышит только, как паровоз. Воочию представляю вздымающуюся на моей спине химзу, растревоженную мощными воздушными потоками, которые вырываются из раздувшихся ноздрей психованного попутчика. Борей, блин, бог северного ветра. Или не северного?

Насыпь, перекрывшая Новомосковский тракт, поражает воображение. Высотой три (местами четыре) метра, она тянется от горы, где установлена стела Европа—Азия, пересекает широкую дорогу – по три полосы в обе стороны – и исчезает далеко за обочиной в сильно разросшемся за последние двадцать лет лесу. Бравые воины на ее гребне расположились весьма причудливо: одна группа сгрудилась на краю леса, вторая, во главе с «рупором», жмется ближе к стеле. Середина монументального строения пуста, не вижу там ни одного человека. Забавный сепаратизм, необъяснимая избирательность... Интуиция шепчет нечто невнятное про фарватер, но мозгу слишком мало информации, он со свистом буксует на одном месте. Сердце же в это время трусливо прячется в пятках и требует уделить все внимание более насущным вопросам. Похоже, трусливый орган прав, есть проблемы посерьезнее абстрактных фарватеров.

– Теперь слышно? – я почти не повышаю голоса, расстояние между нами и заставой сократилось до губительного минимума. Как три тополя на плющихе (два крошечных тополя верхом на дереве-великане), мы стоим перед пограничниками-сквернословами.

– Да, отлично, – переговорщик начал было вещать в мегафон, но, опомнившись, переходит на естественную, данную природой речь. – Давно к нам в гости никто не навевывался, а подобная делегация, пожалуй, никогда.

– Если вы о нашем гужевом транспорте, то зверек безобидный, мухи не обидит, – я деликатен и вежлив, это своеобразная компенсация за наглуую ложь.

– Последние два десятка лет я читаю на ночь книгу Иоанна Бого-слова, – пограничник говорит медленно и вкрадчиво. Опасный тон. – Каждую ночь... Весьма любопытное чтение.

– Хороший выбор, – с сожалением понимаю, к чему клонит собеседник, Книга Апокалипсиса в новую эпоху приобрела крайне нездоровую популярность.

– Но не думал, – продолжает человек, по чьей команде десяток стволов в одно мгновение может оборвать короткую линию моей жизни (и линию Сулюка, но мне это побоку), – что придется своими глазами узреть одного из всадников Апокалипсиса.

– Уважаю вашу религиозность, – я опять вру, терпеть не могу фанатиков, – но не слишком ли поздно для предвестников Всемирного Абзаца? Опоздать на двадцать лет и пропустить всю вечеринку – это, знаете ли, чудовищная непунктуальность. К тому же два всадника на одной квелой кобыле (извини, Брбня, за подобное сравнение) – это насмешка над серьезностью момента. Только Смерть и Голод на tandemном велосипеде смотрелись бы нелепее, чем мы.

«Мегафон» несколько мгновений смотрит на меня. Он больше не прячется за баррикадой из мешков, под дулами столь многочисленного огнестрела мы не представляем никакой опасности. Стоит и тупо пялится через толстые окуляры противогаза... Вид у него довольно комичный: маленький ростик и тщедушное тельце, зато лупоглазые окуляры огромны и добавляют его удивленному молчанию гротеска. Однако мне не смешно, слишком опасно для смеха. Проходит секунда, и хохотать начинает пограничник. Ему можно, не он ведь в опасности!

– Ты мне нравишься, бродяга, – «мегафон» давится смехом, но остановиться не может.

Люблю, когда ценят мое чувство юмора, ставлю уродцу маленький плюстик в личное дело.

– Ну, раз мы разобрались с теологическими вопросами, позвольте ли нам продолжить прерванное дружественным огнем путешествие? – иногда я бываю излишне велеречивым, каюсь.

Кудахтанье пограничника прекращается, словно по команде. Дурной признак.

– Бродяга, разве ты видишь в насыпи ворота или какой-нибудь проезд?

Так вот что мне не понравилось в заставе! Преграда сплошная, в ней нет не то, что ворот, не заметно даже жалкого лаза на одну персону. Черт, куда подевалась моя наблюдательность?!

– Здесь нет прохода. Гребаная Азия с твоей стороны, дружок. Там она и останется.

– Я не тащу Азию в Европу, – «мегафону» удастся озадачить меня.

– Город проклят, город смертельно болен, и мы не позволим разносить заразу на запад.

В словах пограничника такая яростная убежденность, что спорить бесполезно, только подливать масла в огонь. Фанатики неизлечимы... Но мне-то как с этой неожиданной «радостью» разгребаться?!

– Слышь, граница, хорош вола насиловать, – я злюсь и теряю терпение, такт и прочие атрибуты вежливого человека. – Назови плату за проезд, и разойдемся.

– Почему вы – грешники – считаете, что все можно купить? Не стоит по своей поганой природе мерить все человечество! – и это мне говорит мурло, которое причислило нас к грешникам только за то, что мы подошли к границе с восточной стороны! Интересно местные девки пляшут. – Здесь ничего не покупается и не продается. Мы служим за идею, боремся с...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.